

СТАНИСЛАВ АВЕРКОВ

**КАК НАШЕЙ СТРАНЕ
ДОСТАВАЛИСЬ ПОБЕДЫ**

Станислав Аверков

**Как нашей стране
доставались Победы**

«Книжкин Дом»

2015

Аверков С. И.

Как нашей стране доставались Победы / С. И. Аверков —
«Книжкин Дом», 2015

Следует подчеркнуть то обстоятельство, что в советские время все опубликованные в этой книге сведения были сугубо секретными. Ныне все они стали достоянием ИНТЕРНЕТа и ВИКИПЕДИИ благодаря стараниями известных советских руководителей и демократов М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина. Стоило ли им рассекречивать их и предложить США, пусть рассудит читатель. А теперь, уважаемые читатели, наберитесь терпения и прочитайте не только предисловие, но и всю книгу. Предлагаемая читателям книга «Как нашей стране доставались Победы» о том, каким сложным был путь Советского государства и его населения к победам в Великой Отечественной, во Второй мировой и последовавшей за ними «Холодной» войнах.

© Аверков С. И., 2015

© Книжкин Дом, 2015

Содержание

Эпилог	5
Глава I	9
1. Кто выиграет будущую войну – лошади или ракеты?	9
2. Кто вы Фрайхерр Вернер фон Браун?	12
3. Как стать лидером, не уничтожив соперника	16
4. Борьба среди революционных полководцев	21
5. Тухачевский – новатор будущей войны	26
6. С.П. Королев – летательные аппараты для будущей войны	34
7. В.П. Глушко – ракетные двигатели для будущей войны	36
8. В.Н. Челомей – пульсирующие двигатели тоже пригодятся для будущих вооружения страны	39
9. Реактивщик И.Т. Клейменов	42
10. Реактивный НИИ – для будущих вооруженных сил СССР	44
11. Расстрел Тухачевского	46
12. Недальновидный разгром ракетостроения в СССР	48
13. Сотрудники рнии ищут в своих рядах врагов народа	50
14. Поиск сотрудниками РНИИ в своих рядах врагов народа продолжается	55
15. Лубянка	59
16. Новочеркасская тюрьма для будущего покорителя космоса	63
17. Здравствуй и прощай, Магадан!	67
18. Туполевская «шарага» накануне и во время войны	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Станислав Аверков

Как нашей стране доставались Победы

Моим сыновьям Сергею и Владимиру Аверковым – Россия никогда не была и не будет побежденной

Эпилог

Анонс – предисловие

Следует подчеркнуть то обстоятельство, что в советские время все опубликованные в этой книге сведения были сугубо секретными. Ныне все они стали достоянием ИНТЕРНЕТА и ВИКИПЕДИИ благодаря стараниями известных советских руководителей и демократов М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина. Стоило ли им рассекречивать их и предложить США, пусть рассудит читатель. А теперь, уважаемые читатели, наберитесь терпения и прочитайте не только предисловие, но и всю книгу.

Предлагаемая читателям книга «Как нашей стране доставались Победы» о том, каким сложным был путь Советского государства и его населения к победам в Великой Отечественной, во Второй мировой и последовавшей за ними «Холодной» войнах.

В XIX веке аналитики рассуждали о том, что и в старину, и в XIX веке вооруженные силы не обходились и не обходятся без лошадей. Поэтому и XX веку придется несладко потому, что он будет вынужден обеспечивать свои вооруженные силы миллиардом лошадей, верблюдов, слонов, ослов. Вроде бы те аналитики оказались правы, ведь XX век начался с Первой мировой войны и с Гражданской войны в России, не мыслимых без конницы.

В двадцатые годы прошлого века руководство поверженной Германии, сделав выводы из своего поражения, взяло курс на отказ от кавалерии и создания не только танков и самолетов, но и мощных боевых ракет.

В Советском Союзе долго еще не остывала кавалерийская эйфория. Маршал Буденный требовал увеличения кавалерии до миллиона коней. Но маршал Тухачевский стал требовать вместо коней создавать производства для миллиона танков, самолетов и развития в СССР ракетостроения. Сталин не давал в обиду героев Гражданской войны, одновременно заботясь не только об авиации, но и об укреплении своих политических позиций. В результате этих хитро-сплетений внутри страны и в международных отношениях был расстрелян Тухачевский. Из-за карьеризма в среде создателей новейших видов вооружения оказались в тюрьмах будущие первопроходцы космоса С.П. Королев, В.П. Глушко, гениальный создатель самолетов А.Н. Туполев и другие конструкторы. В такой ситуации созданное в СССР новое общество оказалось на пороге войны.

А в это время в Германии творцы ракет Дорнбергер и фон Браун испытывали новейшие ракеты дальнего действия.

Читатель узнает о советских творцах ракетного вооружения М.К. Янгеле, П.Н. Куксенко, С.Л. Берия, А.И. Савине, о том, какой сложный путь они прошли через горнило войны, прежде чем их идеи получили признание.

В книге рассказано о том, как после разгрома фашистских войск под Москвой в 1941 году была в первой половине 1942 года катастрофа под Харьковом. В результате в фашистском «котле» оказались 200 тысяч красноармейцев из-за бездарности командующего фронтом

Тимошенко и члена военного совета фронта Хрущева, вознамерившихся противопоставить вражеским танкам и самолетам всего лишь кавалерию. Фашистские танки и самолеты расстреливали всадников. Обезумевшие лошади сбрасывали конников. После этой катастрофы Сталин удалил от фронтовых дел маршала Тимошенко и других приверженцев кавалерии, заявив им, что они достойны самого сурового народного гнева.

После Харьковского «котла» советское военное руководство решило, что Гитлер летом 1942 года бросит все силы для уничтожения Москвы.

Рассказывается в книге и о том, что после Харьковского «котла» Гитлер, воодушевленный победой в харьковском «котле», вознамерился за летнюю кампанию 1942 года взять не Москву, а захватить жизненно необходимую для танков и самолетов кавказскую нефть и перерезать для СССР волжскую нефтяную магистраль, взяв Сталинград.

Вот так летом 1942 года начались сражения в Сталинграде и на Северном Кавказе за нефтяные месторождения в Грозном и в Баку. На Северный Кавказ двинулась танковая армия Клейста.

В книге рассказано о сражении на Кавказе на подступах к советской нефтяной столице, к городу Грозному, в кавказском Эльхотовском ущелье. Отец автора книги Иван Федотович Аверков прекрасно владел немецким языком, потому что его мать и бабушка автора книги была немкой. И.Ф. Аверков занимался в подразделении штаба Северо-Кавказского фронта под руководством С.Л. Берия расшифровкой переговоров по радиации Клейста с подчиненными. Вот так командованию Северо-Кавказского фронта становились известны планы Клейста. Осенью 1942 года танковая армия Клейста потерпела поражение в Эльхотовском сражении (вторая победа советских войск после битвы под Москвой осенью 1941 года) и была остановлена на окраине столицы Северной Осетии города Орджоникидзе (ныне Владикавказ).

В книге «Как нашей стране доставались Победы» рассказывается и о сражениях на Главном Кавказском хребте. Автору книги известны из первоисточников боевые действия в высокогорных районах Кавказа, так он сам занимался альпинизмом и побывал на многих вершинах и перевалах Кавказа, где проходили боевые действия.

В книге отражены попытки врага во время Сталинградской битвы разрушить железнодорожную магистраль Москва – Сталинград, разбомбив станцию Себряково, находящуюся в двухстах километрах северо-западнее Сталинграда. Враг пытался взять эту железнодорожную станцию, форсировав Дон в районе города Серафимович. До Себряково оставалось шестьдесят шесть километров. В июле 1942 года между этой станцией и городом Серафимович шли ожесточенные бои. Врага на станцию Себряково не пустили. Он был остановлен километрах в десяти от Себряково. Во время Сталинградского сражения автору этой книги было шесть лет. В это время его семья жила на станции Себряково. Поэтому он описал в книге «Как нашей стране доставались Победы» все ужасы фашистского натиска на эту станцию – каждый день бомбежки, артобстрелы, город и станция были разрушены, много красноармейцев и жителей пристанционного городка Михайловка погибло. Но советские воинские эшелоны ни на минуту не прекращали движение через эту станцию к Сталинграду. Вот так достигалась нами Победа!

В книге рассказано о партизанском движении в Белоруссии. В нем принял участие чрезвычайный и полномочный посол СССР С.С. Александровский.

Сложной была судьба Александровского. Сергей Сергеевич осенью 1941 года, будучи в Московском народном ополчении, попал в плен под Вязьмой. Осенью 1943 года бежал из лагеря для военнопленных в белорусском городе Борисове. Оказался в партизанском отряде. Проверял Александровского начальник особого отдела этого отряда Заварыкин. Он знал, что в Борисове находится фашистская школа абвера. Он не знал много другого и поэтому решил сообщить о новом важном партизане в Москву для проверки Александровского. Из Москвы поступило указание переправить Александровского на советскую территорию. Он вылетел с партизанского аэродрома в Москву. На этом связь с Александровским оборвалась.

Друзья автора книги – бывшие белорусские партизаны Дедюшко, в 1943 году принимавшие непосредственное участие в освобождении Александровского из Борисовского лагеря, обеспокоенные о дальнейшей судьбе вызволенного ими высокопоставленного пленного, попросили автора книги принять участие в розысках материалов о судьбе Сергея Сергеевича.

Об этих розысках рассказано в книге «Как наша страна добивалась «Победы». Оказалось, что в Советском Союзе во время войны существовали три управления Смерша. Одно подчинялось Верховному Главнокомандованию, то есть Сталину. Второе – НКВД. То есть Берии. Третье – военно-морскому флоту. Сообщение о пленном партизане бывшем Чрезвычайном и Полномочном после Александровском попало в Смерш Берия, потому что партизанское движением контролировалось им.

В Москве были осведомлены об абверовской школе в Борисове и лагере для военнопленных в этом белорусском городе только в Смерше Сталина. В начале лета 1943 года из Борисовской школы «Абверкоманда-103» под Тулой парашютировал из фашистского самолета фашистский диверсант. Он сразу же пришел в Сталинский Смерш, предложил стать советским агентом в «Абверкоманде-103» и был переправлен с заданием под кодовым названием «Байкал-60» через линию фронта.

Но в Бериевском Смерше об этой операции Сталинского Смерша не знали. В Бериевском Смерше заподозрили, что будучи в плену, Александровский предал Родину. У Сергея Сергеевича почти два года добивались признания в предательстве и расстреляли его в конце лета 1945 года.

Но в начале лета 1945 года в Москву вернулся советский агент в «Абверкоманде-103» «Байкал-60». Его фамилия Козлов. Как оказалось уже в наше время, Козлов сыграл в Борисовском лагере для военнопленных в судьбе Александровского особую роль. Об этой роли агента «Байкал-60» рассказано в этой книге.

Козлов послужил прообразом героя книги Василия Ардаматского «Путь в Сатурн» и «Конец Сатурна» и одноименных кинофильмов. В книге «Как нашей стране доставались Победы» рассказано о непростой судьбе Козлова в советское время.

В общем, история не из обычных. О судьбе Александровского и его связях с агентом «Байкал-60» в лагере для военнопленных в городе Борисове до сих пор российские читатели не осведомлены.

Александровский был реабилитирован в 1956 году. В конце восьмидесятых годов о нем была издана небольшая книжка «Товарищ Сергей». Но в ней нет сведений о связи агента «Байкала-60» с Чрезвычайным и Полномочным послом.

Страну к победе привел Сталин, пройдя длительный путь переоценки ценностей. Он вернулся к творческо-технической деятельности на благо Победы из тюрем и лагерей в «шарашки» цвет советской нации Туполева, Королева, Глушко и других советских будущих профессоров и академиков.

Особую роль в нашей победе сыграл английский премьер Черчилль. Это он повернул Сталина лицом к ракетостроению, сообщая регулярно Иосифу Виссарионовичу о ежедневных жертвах среди лондонцев из-за фашистских ракет Фау-2. Об этом тоже рассказано в этой книге.

Отдельная глава книги посвящена последнему сражению во Второй мировой войне. Произошло оно на Дальнем Востоке, на самом северном острове Курильской гряды острове Шумшу. Автор сам побывал на Курильских островах. Один из участников сражения москвич Д.С. Тельпов рассказ автору о том, что это было не сражение, а кровавая мясорубка. Подземелье острова Шумшу (Сюмюсю – по-японски) было превращено японцами в крепость для хранения биологического оружия с миллиардами чумных и тифозных блох и вшей для войны против СССР и США.

В книге рассказано и о том, что по другой легенде в подземельях острова Шумшу запрятал японский генерал Томоюки Ямасита сокровища в 200 миллиардов долларов. Он их награбил во Второй мировой войне, ведя в Малайзии боевые действия против англичан.

Возможно, поэтому в 1945 году президент США Трумэн хотел захватить этот остров, но ему помешал Сталин, вовремя приказав Камчатской Тихоокеанской флотилии взять десантом эту Курильскую крепость.

В 1952 году после разрушительного цунами на Шумшу побывал переводчик с японского языка старший лейтенант Аркадий Стругацкий. Он после того, как перенес вместе с семьей страшную блокаду в Ленинграде и не менее страшную дорогу через Ладогу на Большую землю, во время которой умер отец братьев Стругацких, увидел на острове японские танки и дзоты с японскими и красноармейскими трупами в них. Аркадий Натанович вместе с братом Борисом, пережившие блокаду Ленинграда, решили под влиянием Шумшу стать писателями – фантастами. Их одна из первых фантастических повестей «Белый конус Алаида» была связана с этим кровавым островом.

После Победы СССР в Великой Отечественной и Второй мировой войнах Запад развязал против Советского Союза Холодную войну. Сражения в ней велись на двух фронтах – информационном и военном.

Информационный фронт СССР – это выведения на околоземные орбиты первых в мире Спутника и Человека – Юрия Гагарина.

На советском фронте вооружений – создание баллистических стратегических межконтинентальных ракет. Их разработка и испытания были поручены ракетостроительному Конструкторскому Бюро «Южное» и Южному машиностроительному заводу (Днепропетровск).

В этой книге рассказано о том, каким не простым был путь создания этих ракет. В 1960 году во время летно-конструкторских испытаний одной из этих ракет на Байконуре произошла катастрофа. В ней погибли Герой Советского Союза маршал М.И. Неделин и еще 73 специалиста.

Венцом разработки этих ракет стало создание КБ «Южное» и его многочисленными соавторами по всему Советскому Союзу орбитальной ракеты, названной американцами «частично орбитальным бомбардировщиком». Дальность поражения цели этой ракетой была в 40 тысяч километров, то есть она могла обогнуть Земной шар и попасть в США через Южный полюс. Таким образом американская противоракетная оборона, сооруженная на Аляске, превращалась бы в никому не нужное грандиозное кладбище металла.

В книге рассказано и о создании в СССР первой в мире ракетно-космической системы «Истребители Спутников». Главным конструктором этой системы был академик А.И. Савин. Ракету для этой системы создал академик М.К. Янгель. Председателем Государственной комиссии по летно-конструкторским испытаниям этой ракетно-космической системы был Космонавт-2 Герой Советского Союза Г.С. Титов. Выведенный модифицированной орбитальной ракетой космический аппарат этой ракетно-космической системы «ИС», мог бы, маневрируя на орбите, подлетать к вражескому спутнику и, не оставляя следов, уничтожить его. Вот какая интереснейшая ракетно-космическая система была создана в СССР.

Узнав о советских орбитальной ракете и ракетно-космической системе «Истребители Спутников», американцы согласились на подписание Договора об ограничении стратегических вооружений.

В эпилоге рассказано, как развал СССР сказался на советском ракетостроении. В России оно возродилось. На Украине до сих пор не может прийти в себя в необходимом объеме. Днепропетровский гигант ракетостроения Южмаш находится на грани банкротства.

Книга заинтересует и молодежь, и старшее поколение.

Глава I

Как готовятся войны

1. Кто выиграет будущую войну – лошади или ракеты?

Человеческое сообщество всегда стремилось заглянуть в будущее. Провидцев всегда было много. Показательный пример – средневековый Нострадамус. Он был наделен даром разглядеть через туманную завесу будущие столетия. В одном из котренов (четверостиший) Нострадамус попытался изложить свое видение того, что может произойти в XX столетии, следующим образом:

Он станет живым воплощением террора
И более дерзким, чем сам Каннибал,
Ни что не сравнится с кровавым позором
Деяний, каких еще мир не видал.

Изучая это четверостишие, наши современники переругались. Одни были уверены, что в этом котрене говорится о Гитлере, другие – об испанском диктаторе Франко или о чилийском Пиночете. Либералы до сих пор заявляют о том, что Нострадамус предсказал появление на международной арене Сталина. Но с таким же рвением можно говорить о Чанкайши или о Мао Цзедуне. Одно неопровержимо – Нострадамус смог увидеть в далеком двадцатом столетии диктатора (на самом деле в этом веке их появилось более десяти), потому что досконально изучил человеческую сущность. Можно, пользуясь инструментом Нострадамуса, утверждать с такой же погрешностью, что в XXI веке появятся такие представители рода людского, кто вознамерится управлять своими соотечественниками диктаторскими способами.

Диктаторским способам нужны «орудия труда».

Пришло время обратиться к самому главному – к орудиям труда. В XIX веке во французской и немецкой прессе обсуждались принципы выхода из кризиса, который (по тогдашнему представлению) должен был бы обрушиться на жителей планеты Земля в XX столетии. Речь шла о военно – транспортном кризисе. Основное средство ведения войны в XIX веке было – мускульное, то есть кроме людей – лошади, верблюды, ослы и тому подобные животные.

По мнению предсказателей XIX века, для того, чтобы обеспечить человечество этими военными четвероногими мускульными средствами, необходимо было в XX веке, иметь более миллиарда лошадей, верблюдов, ослов...

Во внимание не принимались первые признаки новейшего научно-технического прогресса. Ведь уже тогда появились первые паровые машины и даже первые прообразы автомобилей. Электрические опыты открывали пути в неизведанные области различных сфер деятельности человечества.

Составители прогнозов, думая по старинке, вычислили, что в XX веке для всех сфер человеческой деятельности, но в первую очередь для военной, потребуется миллиард и даже более лошадей. Для того, чтобы прокормить миллиард лошадей и управлять ими, следовало бы засеять овсом в XX веке все территории Британской и Российской империи, а также Китая, США, Бразилии, Индии и других стран. Чтобы обеспечить управление миллиардами «саврасок», более половины трудоспособного населения Земли должна была бы в XX веке выращивать овес, разводить табуны лошадей, работать конюхами, кучерами, смотрителями конных

станций, уборщиками улиц от лошадиного помета, в котором утонули бы города и села. А если к лошадям прибавить верблюдов и ослов, то Земной шар утонул бы и в их испражнениях.

Прогнозисты потрудились добросовестно. Именно они заставили человечество понять, что лошади и их коллеги могут довести его до абсурда. На высказывания прогнозистов откликнулись ученые и инженеры, начавшие изобретать транспортные механизмы перемещения. Но в первую очередь для вооруженных сил!

XX век вступил в свои права еще под лошадиным знаменем. Кавалерия играла существенную роль в первой мировой войне. И также в России и в гражданскую войну. И артиллерия тех лет не обходилась без лошадей. Кто же сможет вытаскивать орудия из грязи, как не лошадки. Но немцы первыми задумались о модернизации армии. Тому были веские причины.

Первая мировая война закончилась поражением Германии. В 1919 году был подписан в Версале между Англией, Францией, Италией, Японией и поверженной Германией мирный договор. В его пятом разделе победители продиктовали немцам (книга JULIUS MADER, «GEHEIMNIS HUNTSVILLE. DIE WAHRE KARRIERE DES RAKETENBARONS VERNHER VON BRAUN», DEUTSCHER MILITARVERLAG, BERLIN, 1963) самое неприятное – артиллерия рейхсвера должна быть ограничена с 31 марта 1920 года не более чем десятью дивизиями.

Немцы могли бы смириться с таким диктатом, если бы это были полноценные дивизии. Но творцы Версальского договора пошли дальше. Они заставили побежденных подписать и следующее: артиллерия рейхсвера не могла иметь более 204 полевых орудий калибра 77 миллиметров и 84 полевых гаубиц калибра 105 миллиметров. Было ограничено и число снарядов – по тысячи на каждое полевое орудие и по восемьсот на каждую гаубицу.

С такой огневой мощью предпринимать меры для возрождения прежнего германского величия, конечно, было абсурдным. Но хотелось! Мечталось покорить весь мир. Стать его хозяевами. Об этом же мечтали и англичане, и американцы, и французы, и японцы. В СССР тоже мечтали иметь сильную армию. Но как это сделать?

В то время по донским, кубанским и украинским степям разъезжали бравые казаки. Им не уступали разудалые селяне во главе с батькой Махно на тачанках с пулеметами, запряженных лошадейми. В Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке орудовали белые кавалерийские дивизии. Врагов революции крушили конницы Буденного и Дыбенко.

В это время в Германии жесткие договорные ограничения заставили германский генералитет искать лазейки, чтобы «волки» Антанты были довольны выполнением Версальского договора и германские «овечки» не потеряли бы боеспособность.

Германские генералы постарались напрячь мозговые извилины и это у них получилось. Было принято замечательное толкование (книг А.С. Орлова, «Секретное оружие третьего рейха», Москва, издательство «Наука», 1975 г.) той части текста Версальского договора, что касалась производства, хранения, применения боеприпасов. Эту часть немцы восприняли, конечно, только со своих, немецких позиций.

Итак, статья 166 Версальского договора, запретившая германскому правительству иметь «какие либо запасы, склады или резервы боеприпасов», не относилась, по мнению немецких генералов, к ракетам, так как ракеты не являются боеприпасами в прямом смысле этого слова. Следовательно, возможно и необходимо развивать, не нарушая договора, исследования, экспериментирования, отработки и, в конечном счете, серийное производство ракет!

Какая разница в мышлении у выигравших и проигравших! Победители думали о сегодняшнем дне. Им, упоенным разгромом противника, недосуг было поразмыслить о будущем. Через четверть века этот просчет им аукнется.

В германской Веймарской республике министр рейхсвера издал в 1929 году секретный приказ, согласно которому при Управлении вооружений была создана рабочая группа по жидкостно-реактивным ракетам. Ее возглавил инженер-машиностроитель капитан Вальтер Роберт

Дорнбергер. С этим именем в дальнейшем будут связаны все усилия Германии по созданию новейшего секретного «чудо – оружия».

Дорнбергер сразу же привлек к разработке ракет известного теоретика, энтузиаста будущих ракетных полетов в космос Германа Оберта и его коллег-экспериментаторов с ракетами Рудольфа Небеля и Клауса Риделя. Десяток лет они уже посвятили разработке основ ракетных двигателей.

Капитан Дорнбергер поставил перед ними конкретную задачу, как того требовал министр (книга Юлиуса Мадера «Тайна Хатсвилла», Берлин, 1963 год):

«С тех пор, как существует артиллерия, военные стратеги хотели иметь идеальный снаряд, который был бы способен пролетать большее расстояние, чем любой артиллерийский. Даже когда авиация начала свое беспримерное, триумфальное шествие, стратеги все равно стремились получить носитель боевого заряда, который был бы дешевле и проще в применении, чем, скажем, бомбардировщик. Ближайшая цель группы – создание мощной ракеты с радиусом действия 200–300 километров и зарядом в 1000 килограммов».

Для выполнения поставленной задачи капитану Дорнбергеру было нужно большое количество специалистов. Их могли бы воспитать уже привлеченные в группу ученые – теоретик Герман Оберт и экспериментаторы Рудольф Небель и Клаус Ридель. Но можно ли было на них положиться?

Опорой Дорнбергеру мог бы стать Герман Оберт. Но тот вскоре превратился в румынского гражданина, так как из-за распада Австро-Венгрии Трансильвания – родина Оберта – вошла в состав Румынии. Кроме того, у бывшего во время боевых действий санитаром-фельдфебелем Оберта было ярко выраженное стремление к популяризации собственной личности, а работа в секретной группе требовала скрытности.

Не понравился Дорнбергеру и другой видный немецкий ракетчик Рудольф Небель. Тот не скрывал своих интернациональных чувств, поэтому неоднократно высказывался за контакты с ракетостроителями других стран.

Непоколебимым был только «настоящий» немцем Курт Вамке.

В это же время и в Германии, и в России созревало новое поколение ракетных мечтателей, отказавшихся от лошадей и превратившихся впоследствии в создателей сложнейших мощнейших видов ракетного оружия и средств доставки аппаратов в космос.

Назовем некоторых из них: Вернер фон Браун в Германии и, конечно, наши Сергей Павлович Королев, Валентин Петрович Глушко, Василий Сергеевич Будник, Михаил Кузьмич Янгель, Владимир Николаевич Челомей.

Впоследствии это они создали для человечества способы и пути общения с космическим пространством. Нельзя, рассказывая о ракетно-космических делах, не раскрыть хотя бы вкратце биографии этих гениев.

2. Кто вы Фрайхерр Вернер фон Браун?

Знаменитый ракетостроитель фрайхерр Вернер Магнус Максимилиан фон Браун (фрайхерр – средневековый королевский чин, синоним барону) родился 23 марта 1912 года. Из какого рода племени он был? Интерес к этому проявляют многие исторические, но в первую очередь политические деятели.

Например, украинские историки, собирающие доказательства древности украинской нации, утверждают, что в венах Вернера фон Брауна бурлила и капля украинской крови, ведь корни знаменитого рода фон Браунов восходят к Киевской Руси. Особенно в этом преуспел Американский Независимый Бостонский альманах «Лебедь» (выпуск № 601, 18 октября 2009 г.) с материалом украинского журналиста Юрия Кирпичева «В тени Вернера фон Брауна, или забытый Лунный юбилей».

Кто такой Юрий Кирпичев? Он родился в 1952 году. Закончил физический факультет Донецкого государственного университета. Радиофизик-электроник, работал инженером-наладчиком, директором учебного центра, генеральным директором объединения. Начал заниматься журналистикой, когда ему подарили ноутбук. С тех пор переехал в США, стал печататься в газетах Нью-Йорка, Бостона, Монреаля и в украинской киевской газете «Зеркало Недели», сторонницей украинизации.

Чтобы понять мировоззрение Кирпичева, предлагая читателям абзац из одного из его публикаций:

«Вы любите мороженое? Гм, а я вот особого влечения, стремления или тяги не испытываю. Зато разбираюсь. Я пробовал его в Одессе и Киеве, в Москве и Кишиневе, в Краснодаре и Берлине, в Нижнем Новгороде и Каспийске, в Монреале и на круизных лайнерах. Да где я только его не пробовал! Но лишь нью-йоркское идет в сравнение... Read more».

Конечно, этот абзац не показатель, но все же...

Следующая цитата на этот раз из «В тени Вернера фон Брауна...»:

«... Честно говоря, ни запуск спутника, ни советская пропаганда так и не смогли убедить меня в том, что Королев заслуженно возведен на пьедестал первопроходца. Не хочу говорить, каким он был человеком, хотя манера крыть собеседника матом мало импонирует, но и как инженеру и как организатору ему далеко до фон Брауна...»

... Дело ракетного барона, проложившего путь в космос, в СССР продолжили Королев, Янгель, Челомей и Глушко. Эта четверка – апостолы ракетного мессии. Они смело ступили пролетарской ногой в хрустальные воды будущего, но столько камней бросили друг в друга, что мы до сих пор не можем их разгрести. Что ж, просто поглядим на анкетные данные.

Сергей Павлович Королев родился в Житомире. Потомок украинских купцов, поставщиков знаменитых нежинских огурчиков ко двору Его Императорского Величества. Жил в Нежине, Одессе, учился в знаменитом киевском Политехе, созданном В.Л. Кирпичевым. Михаил Кузьмич Янгель – конструктор лучших в мире боевых ракет, потомок своевольных украинских казаков, сосланных в Сибирь. Владимир Николаевич Челомей родился, правда, в Седльце, в Польше, но украинских его корней отрицать никто не может. Учился фактически в том же Политехе, что и Королев и Сикорский, но тогда его факультет уже выделился в Киевский авиационный институт. Великий двигателист Глушко Валентин Петрович родился в Одессе, о корнях говорит и его фамилия...

... Как видим, все истинно великие космисты так или иначе связаны с Украиной. В том числе – представьте себе – и сам Вернер фон Браун!»

Неутомимый Юрий Кирпичев, живущий ныне в американском Бостоне, разыскал родословную фрайхерра Вернера Магнуса Максимилиана фон Брауна. Читателям будут интересно окупаться в ветвистое Брауновское древо.

ЮРИЙ КИРПИЧЕВ, «В ТЕНИ ВЕРНЕРА ФОН БРАУНА, ИЛИ ЗАБЫТЫЙ ЛУН-
НЫЙ ЮБИЛЕЙ», АМЕРИКАНСКИЙ НЕЗАВИСИМЫЙ БОСТОНСКИЙ АЛЬМАНАХ
«ЛЕБЕДЬ», № 601, 18 октября 2009 г.

РОДОСЛОВНАЯ ВЕРНЕРА ФОН БРАУНА (WERNHER VON BRAUN) 1912-1977

РЮРИК Новгородский +879
ИГОРЬ Киевский +945
СВЯТОСЛАВ Киевский +972
VLADIMIR Ier le Grand, grand-duc de Kiev +1015
DOBRONEGA de Kiev ca 1011–1087
SWATAWA Piast 1041/1048-1126
Vladislav I-er Przemyslide, duc de Boheme +1125
Vladislav I-er Przemyslide, roi de Boheme +1174
Fridric Przemyslide, duc de Boheme +1189
Ludmilla Przemyslide 1170–1240
Otton II von Wittelsbach, duc de Bavarie 1206–1253
Ludwig II Duke of Bavaria 1229-1294
Agnes of Bavaria – 1345
Markgraefin Sofie von Brandenburg
Heiress of Landsberg – 1356
Magnus II Torquatus, Duke of Brunswick-Lueneburg 1328-1373
Duchess Agnes of Brunswick-Lueneburg – 1410
Duke Erich of Brunswick-Grubenhagen 1380-1427
Duchess Margarete of Brunswick-Grubenhagen – 1456
Bernhard VII 'Bellicosus
Edler Herr zur Lippe 1429-1511
Johann Bidenbach Margarete zur Lippe – 1527
Irmgard von Rietberg – 1540
Nikolaus von Tecklenburg, Domherr in Koeln – 1534
Nikolaus Tecklenburg – 1563
Catharina Tecklenburg
Erick Kottinck
Gertrud Kottinck
Maria Anna Elisabeth Schuette 1687-1728
Maria Elisabeth Detten 1723-1798
Bernhard Anton Duesberg 1749-1839
Maria-Anna Duesberg 1797-1864
August von Quistorp 1822-1877
Wernher von Quistorp 1856-1908
Emmy von Quistorp 1886-1959
FREIHERR WERNHER VON BRAUN 1912-1977

Поводом для розыска родословной фон Брауна для Кирпичева стала его идея о том, что без украинцев не состоялся бы взлет человечества в космические дали. Даже Вернер фон Браун был из украинского рода.

Давайте пройдемся по родословному браунскому древу.

По мнению обитателя Американского континента Ю. Кирпичева основателем рода фон Браунов был знаменитый легендарный правитель русской Новгородской земли варяг князь Рюрик. Однако, какое непосредственное отношение князь Рюрик имеет к украинской нации?

В древних летописях можно прочесть о том, что Рюрик был варягом. Он родил князя Игоря. Игорь родил князя Святослава, Святослав – крестителя Руси Владимира.

Как почерпнули историки из древней «Повести временных лет», бабушка Крестителя Владимира княгиня Ольга была родом из Пскова (древне-русский Плесковъ, Пльсковъ). «Житие святой великой княгини Ольги» уточняет, что родилась она в деревне Выбуты Псковской земли, в 12 км от Пскова выше по реке Великой. Имена родителей Ольги не сохранились, но по «Житию» они были незнатного рода, «от языка варяжска».

Основные сведения о жизни Ольги, признанными достоверными, содержатся в «Повести временных лет», «Житии из Степенной книги», исторической работе монаха Иакова «Память и похвала князю рускому Володимеру» и сочинении Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора».

Многочисленные исторические источники рассказывают о том, что князь Владимир Святой был внебрачным сыном Святослава – сына княгини Ольги. Как-то Малуша напоила Святослава и положила его под себя. Когда Ольга узнала, что Малуша забеременела от Святослава, то разозлилась и выгнала Малушу рожать в Псковскую землю. Святослав все же признал Владимира сыном.

Следовало бы в эту родословную добавить несколько особо интересных штрихов. Мать Владимира – Крестителя Руси Малуша была ключницей киевской княгини Ольги. То есть заведовала не только покоями княгини – варяжки, но и многим другим, чем было не досуг заниматься княгине.

В этих же древних книгах Малуша названа «робибичей». На русский язык это древнее слово переводили многие исследователи.

В советское время «робибич» прочитали по пролетарски – дочь раба. Конечно, у княгини Ольги ключницей, заведовавшей ее богатствами, не могла быть рабыня.

Дореволюционные историки пришли к выводу, что «робибича» – это дочь раввина, так как ее отцом был Мал – раввин из города Любеч на Днепре, подчиненном Хазарскому каганату (княжеству). В то время хазары были иудейского вероисповедания. На иудейско-хазарском языке «Мал» означало – повелитель. Так что Малуша были ближе к евреям, чем к славянам.

Но среди детей Святослава Владимир был для папы и бабушки нелюбимым. Поэтому они и отправили его в детском возрасте с глаз подальше в Великий Новгород. Так что Креститель Владимир, воспитанный в Великом Новгороде, был новгородцем по духу, а по крови наполовину варяг и наполовину еврей.

Сам собой напрашивается вывод, что, так как отец Малуши раввин Мал из еврейского города Любеч, подчиненного хазарам, исповедовавшим иудаизм, то Малуша скорее всего – еврейка. То есть в венах Браунов текла и еврейская кровь.

Для читателей самое интересное открытие следует ниже.

Креститель Руси Владимир (полуваряг и полуеврей) был любвеобильным мужчиной. Когда он был язычником, то у него было более восьмисот жен! Следовательно, как минимум, тысяча детей! А может быть две тысячи или три! Приняв христианство, заимел еще и христианских детей.

Сын Крестителя Руси Владимира Ярослав Мудрый после смерти отца выдал свою сестру Марию – Добронегу замуж за польского короля Казимира Восстановителя. У этой высокопоставленной семьи было четверо сыновей – католиков (Болеслав – будущий польский король Владислав, а также Герман, Мешко, Оттон,) и дочь – католичка Святослава – с частицами шведской, новгородско-русской, еврейской и польской крови. Она стала королевой Чехии.

В английских, немецких, французских и польских церковных метрических записях сохранились сведения о последующих предках будущего покорителя Луны. Вот так и возникла династия фон Браунов. В их роду были даже отпрыски королей. Баронский титул заработал один из Браунов в XVIII веке на службе у прусского короля.

Как ни крути, не верти, но без русских, евреев, поляков и других национальностей в крови у украинцев, претендующих на украинизм в родословной Браунов, не обошлось. А как же иначе, ведь Великий Новгород – начало древнерусской истории и российской государственности – был купеческой республикой. К нему приплывали гости со всей Европы! Со всей Европой он и породнился! Не забывайте, что государственность пришли в Киев из Великого Новгорода!

Все перепутали наши предки! Не предполагали, что их потомки начнут разбирать их – предков по косточкам.

Запомните это немаловажное заключение, почерпнутое мною из исторических книг, а также и из Википедии.

Родословная, составленная бывшим донецким журналистом, а ныне жителем США и Канады Юрием Кирпичевым, интересна не только для украинских исследователей истоков своей нации. Используя толкования древних летописей Юрием Кирпичевым, можно доказать даже интересное, но не для всех приемлемое суждение, что и я тоже, как и Вернер фон Браун, праправнук Крестителя Руси Великого князя Владимира. И все потому, что у Крестителя Руси было более восьмисот жен в языческих браках, а следовательно и огромное многомиллионное количество потомков. То есть треть россиян и половина украинцев – Владимировы отпрыски!

3. Как стать лидером, не уничтожив соперника

Но вернемся к нашему времени. В поле зрения капитана Доренбергера попал сын члена правления Рейхсбанка, видного чиновника министерства внутренних дел барона Магнуса фон Брауна.

У 20-летнего студента Высшей технической школы в Цюрихе (Швейцария) Вернера фон Брауна космические идеи зародились еще в шестнадцатилетнем возрасте. В то время родители отправили сына Вернера подальше от мирской суеты в интернат на уединенном острове Шпикерог в Северном море. Там любознательный юноша увлекся книгой Германа Оберта «Ракета для межпланетного пространства». Увлечение было не сиюминутным. Вернер стал целенаправленно изучать математику и физику, чтобы в будущем сконструировать собственную ракету. Зная от отца Вернера барона Магнуса об увлечении его сына, Доренбергер выбрал Вернера на необычную роль. Вернер стал представителем Дорнбергера в правлении немецкого «Союза межпланетных сообщений». Этот Союз популяризировал среди населения Германии идеи космических путешествий с помощью ракет будущего (JULIUS MADER «GEHEIMNIS...», BERLIN, 1963).

Молодой энергичный агент Дорнбергера по указанию своего шефа убедил членов правления «Союза», что они своими популяризаторскими действиями вторглись в совершенно секретную сферу деятельности Германского Управления вооружений. Согласно секретному распоряжению Управления публикации о ракетных проблемах в любой форме и любых лиц отныне запрещаются, изобретения в ракетной области должны быть засекречены, испытания ракет допускаются лишь в интересах рейхсвера и разрешаются только им.

Что оставалось делать после такого умопомрачительного сообщения немецким любителям космической бездны? Конечно, самораспутиться! Что и произошло.

Сам же студент Вернер фон Браун, однако, оказался парнем не промах. Пусть кто-то падает в обморок от запретов и бросает любимое дело! Но ему, Вернеру, если сам Фюрер велел германским специалистам идти не по пути освоения космического пространства, а заняться созданием ракетного вооружения, следует им и заниматься! Ракетными Богами для него были Доренбергер и великий Герман Оберт, открывший Вернеру своей книгой «Ракета для межпланетного пространства» его ракетное предназначение! На склоне жизни фон Браун написал о Германе Оберте следующее:

«Лично я вижу в нем не только путеводную звезду моей жизни, но также и обязан ему своими первыми контактами с теоретическими и практическими вопросами ракетостроения и космических полетов. В истории науки и технологии за его революционный вклад в области астронавтики ему должно быть отведено почетное место».

По требованию Доренбергера Вернер фон Браун был отозван из Швейцарии и продолжил обучение в Берлинской высшей технической школе, поставившей промышленности специалистов по различным видам вооружений. Уже в 1930 году Вернер начал работать в Германии под руководством Дорнбергера над ракетами на жидком топливе.

1 октября 1932 года молодой барон по указанию Доренбергера был зачислен в тщательно подобранный штат Управления вооружений. В 1932–1933 годах на полигоне близ Куммерсдорфа осуществил запуски нескольких ракет на высоту от 2000 до 2500 метров.

Тогда же начал работу над диссертацией.

В 1933 году, когда к власти пришел Гитлер, Вернер фон Браун получил от фашистов грант на ускорение исследований в области ракетостроения.

25 июля 1934 года защитил в Берлинском техническом университете секретную диссертацию. Ее открытое название было весьма туманным – «Об опытах по горению». Секретное же название было конкретным – «Конструктивный, теоретический и экспериментальный вклад в

проблему жидкостной ракеты». Она была рассекречена только в 1960 году. Во введении к диссертации Вернер фон Браун написал (книга JULIUS MADER, «GEHEIMNIS...», ...BERLIN, 1963 г.):

«Применение ракетного принципа в артиллерии восходит к гораздо более ранним временам, чем применение орудий. И если же ствольная артиллерия почти полностью вытеснила ракеты в прошлом веке, то объясняется это главным образом двумя причинами: 1) в результате использования бездымного пороха артиллерии удалось значительно превзойти начиненные черным порохом ракеты по дальности стрельбы, 2) новые нарезные орудийные стволы, придавшие снаряду вращательное движение, обеспечивали большую точность попадания, чем та, которая достигалась обычными ракетами. Тем не менее, ракета имеет большие преимущества по сравнению с орудием. Отсутствие высокого давления на стенки ствола, а также отдачи позволяют запускать даже большие ракеты с совсем легких стартовых стволов. К тому же посредством ракет можно, по крайней мере, теоретически, достигнуть любой высокой конечной скорости.

Следовательно, если хотя бы воспользоваться преимуществами ракет, необходимо ликвидировать их недостатки по сравнению со ствольной артиллерией, то есть превзойти ее по дальности стрельбы и устойчивости снаряда в полете. Увеличение дальности стрельбы ставит перед нами, во-первых, термодинамическую проблему выбора целесообразного высококачественного в энергетическом отношении ракетного топлива и, во-вторых, задачу создания легких ракет. Напротив, повышение устойчивости в полете и тем самым точности попадания ракеты при активном управлении посредством гироскопов является в первую очередь задачей точной механики.

Между тем пороховая ракета уже настолько усовершенствована, что удовлетворяет как в отношении ее термодинамического режима, так и в точности попадания. Поскольку, кроме того, она предельно проста в производстве и обслуживании, она уже сейчас может заменить артиллерию в пределах дальности своей стрельбы. Если же необходимо преодолеть большие расстояния, чем это возможно сейчас, возникает трудность, связанная с тем, что почти нельзя увеличить время работы двигателя пороховой ракеты при сохранении мгновенной мощности.

Возможность на сколько угодно продлить время работы двигателя и притом еще значительно превзойти мгновенную мощность пороховой ракеты обеспечивается ракетой с жидкостно-реактивным двигателем. Физика учит, что при использовании большинства углеводородов в смеси с жидким кислородом тепловой эффект горения значительно выше образующегося при сгорании самых эффективных видов пороха.

В соответствии со свойствами жидкого топлива конструкция ракет с жидкостно-реактивным двигателем должна почти во всем отличаться от конструкции пороховой ракеты... Поэтому едва вероятно, что жидкостно-реактивная и пороховая ракеты когда-нибудь вступят в соревнование друг с другом. Жидкостно-реактивную ракету никогда не удастся сделать столь же простой в производстве и обслуживании, как пороховую.

Ценность жидкостно-реактивной ракеты состоит в ее способности преодолевать максимальные расстояния, а это оправдывает большой объем работ по ее производству...

Предлагаемую работу следует рассматривать лишь как вклад в решение физических и конструктивных задач с целью создания жидкостно-реактивной ракеты, пригодной в баллистическом отношении...».

В диссертации фон Брауна, как уже понял читатель, разрабатывалась проблема, решение которой обеспечивало бы вооруженные силы Германии огромной мощью на многие десятилетия вперед.

Жаль, что советская разведка не добыла в тридцатые годы для Сталина у будущего гения ФАУ-2 и американских носителей «Редстоун», «Юпитер» и «Сатурн» его секретную диссертацию.

цию и не положила исследование Вернера фон Брауна Иосифу Виссарионовичу на стол. Тогда бы в СССР ракетостроение, вероятно, приняло бы не расстрельный характер.

Но об арестах и расстрелах ракетостроителей в СССР в те тридцатые годы будет рассказано в одной из следующих глав. Теперь же обратимся к дальнейшей трудовой деятельности нашего героя Вернера фон Брауна.

В фашистской Германии проблемами боевых ракет занимались несколько ведущих специалистов. Первым добился ученой степени доктора философии Курт Вамке. Ему был вручен диплом за диссертацию «Исследования истечения газов через цилиндрические сопла». Неужели, истечение газов в ракетных двигателях – сугубо философская проблема? Но на Западе помнили о научных традициях средневековья, когда в любой проблеме, будь-то технической или биологической, необходимо было узреть философский смысл. Но ныне было не средневековье и в диссертации Курта Вамке найти философию мог только полный идиот.

Как повествует автор книги «GEHEIMNIS VON HUNTSVILLE. DIE WAHRE KARRIERE DES RAKETENBARONS WERNHER VON BRAUN», DEUTSCHER MILITARVERLAG (BERLIN, 1963) Юлиус Мадер, в те годы особую роль в немецком ракетостроении играл Карл Эмиль Беккер.

В университете Фридриха-Вильгельма после прихода к власти Гитлера появились новые преподаватели с отличной военной выправкой. Среди них был и артиллерийский полковник, сотрудник управления вооружений сухопутных сил доцент Берлинской высшей технической школы Карл Беккер. Он читал студентам курс «Общей военной техники».

Начальник отдела исследований управления вооружений генерал-майор Эрих Шуман стал руководителем 2-го физического института Университета Фридриха-Вильгельма. Профессор доктор медицинских наук Беренс читал обязательный для студентов курс «Боевые отравляющие и родственные им вещества». Его коллега по факультету доктор Шуман читал обязательную «военную хирургию».

Был создан при университете Военно-политический институт. Его возглавил полковник барон Оскар фон Нидермайер.

Тысяча семьсот пятьдесят ученых самых различных областей науки вошли в руководство вооруженными силами Германии и в СС.

Так что Университет Фридриха-Вильгельма был настоящим военным бастионом Германии, а его внешней оболочкой был факультет философии.

Декану философского факультета университета Вильгельму Хорну, лингвисту в области английской литературы, было предложено руководством Управления вооружений в лице полковника Беккера проявить заинтересованность в усилении мощи империи. Для этого Хорн должен был организовать секретную защиту диссертаций, содержание которых следовало бы сохранять в государственных интересах в строжайшей тайне. То есть защита должна быть зафиксирована в документах, но ни профессорско-преподавательскому составу философского факультета, ни тем более студентам не должно было быть известно о состоявшемся присвоении ученой степени, о фамилиях соискателей и тем более о содержании диссертаций. Самому декану Хорну полагалось быть осведомленным лишь о фамилии соискателей. Но после подписания диплома забыть о ней.

Хорн был в недоумении. На его голову свалилась грязная стряпня, осуждаемая во всем научном мире. Но полковник Беккер был тверд: командование рейхсвера уже договорилось с ректором университета Фишером, поэтому Хорн не должен ставить палки в колеса.

После такого внушения, а лучше выразиться прямолинейно – приказа, полковник Беккер получил диплом доктора философии и он занял должность в университете. Таким же образом был объявлен «ученым-философом» генерал-майор Эрих Шуман, военизировавший университетских физиков.

28 февраля 1934 года таким же способом стал доктором философии Курт Вамке. На его дипломе расписались ректор Фишер и декан Хорн, не заглянувшие в диссертацию ни единым оком.

Доктору философии Курту Вамке было 30 лет. Вернеру фон Брауну – 22 года. Но ему лидерских устремлений было не занимать. Он последовал примеру своего старшего коллеги и написал в докторантуре полковника, профессора философии Беккера диссертацию «Конструктивный, теоретический и экспериментальный вклад в проблему жидкостной ракеты».

После очередной «беседы» с полковником Беккером декану Хорну ничего не оставалось делать, как в очередной раз расписаться на очередном дипломе. Это же сделал и ректор Фишер.

Вот так фашисты «клепали» научные звания. В то же время следует отметить, что диссертации были написаны самими диссертантами и их качество было превосходным. Но кто же оценивал их достоинство, если философы не имели к ним ни какого отношения? Фактически ученые степени ракетостроителям присваивало руководство рейхсвера.

Но «философские умы» были такими же, как и все человечество – каждый из них мечтал быть лидером. Кто через кого переступит? Курт Вамке окончательно задавит Вернера фон Брауна или Браун перешагнет через Вамке? Удача была на стороне фон Брауна. Если происшедшее можно назвать удачей!

Летом 1934 года на Куммерсдорфском полигоне доктор философии Вамке завершал на испытательской станции Вест работы по экспериментальному подтверждению своих теоретических соображений. Запуск ракетного двигателя прошел вполне приемлемо. Но в процессе работы он неожиданно взорвался. Полигонные конструкции заволокла грязно-желтая дымовая туча. Пронзительный вой сирены оповестил, что произошла аварийная ситуация. Когда прибежали охранники, поняли, что произошла катастрофа. Возле разбросанных взрывом частей конструкции двигателя были найдены три тела. С помощью кислородных баллонов удалось спасти двоих. Но доктору Вамке кислородный баллон не понадобился. Его голова бала рассечена осколком системы питания двигателя. Из разбитого черепа фонтанировала кровь. Один из основных создателей боевой немецкой ракеты скончался, не приходя в сознание.

Это была очередная жертва в немецком ракетостроении. Предыдущей жертвой был Макс Валье. Он погиб при испытании сконструированной им камеры 17 мая 1930 года. Один из ее осколков пробил его грудную клетку, повредив аорту.

Ракетостроение – дело не для слабонервных. Современные достижения при освоении космоса или создании ракетного вооружения были бы невозможны без жертв, принесенных ракетостроителями Богу Огня во имя торжества над ним.

У Курта Вамке были глубокие теоретические познания, солидный опыт экспериментатора. Он мог бы возглавить техническую часть проекта, задуманного Главным Управлением вооружений, но его не стало.

Кто мог бы отныне претендовать в немецкой ракетной группе на лидерство? Профессор Герман Оберт, проживавший в румынском захолустье Медиаш? Он осаждал немецкое управление вооружений с просьбами подключить его к конструированию боевых ракет, не понимая, что к власти пришли нацисты. Руководитель Управления вооружений профессор философии полковник Беккер отреагировал на письма в нацистском духе: поскольку Оберт гражданин Румынии, то не может быть допущен к участию в немецких работах, к тому же они проводятся под строжайшим секретом.

Остались двое. Кто победит в лидерской гонке? Инженер Рудольф Небель, ранее читавший лекции в Высшей технической школе в Берлине, а ныне все свои силы направивший на создание ракеты на жидком топливе, или его бывший студент Вернер фон Браун, усваивавший азы ракетной техники на лекциях Небеля? В 1934 году столкнулись учитель и ученик.

Был предпринят удар ниже пояса. Папа Вернера был близок к окружению рейхсфюрера СС Гимmlера. Магнус фон Браун провел разъяснительную беседу в гимmlеровской команде.

Там все поняли, но дали понять, что нужен донос на еврея Рудольфа Небеля. Его сочинили люди, близкие к семье Браунов, отправили в Управление вооружений. Его глава профессор – полковник Карл Эмиль Беккер подписал донос и отправил Гиммлеру. Основываясь на доносе, нацисты запретили Небелю заниматься даже частными исследованиями в ракетной области и приказали передать в Управление вооружений патенты на все его изобретения. Когда Небель отказался выполнить требование, гестапо обвинило авторитетнейшего немецкого ученого-ракетчика, кроме всего прочего, в сотрудничестве с «человеком низшей расы» – евреем, всемирно известным физиком Альбертом Эйнштейном – автором теории относительности, сбежавшим в США.

Шесть месяцев гестапо продержало Небеля в камере государственной тайной полиции в Берлине. Ничего не добившись от ученого, гестапо отправило его в концлагерь Бауцен.

Его невеста Герта Имбах погибла в лагере смерти Освенциме.

Победителем в лидерской гонке оказался чистокровный ариец со славянско-выражско-еврейскими корнями Вернер фон Браун.

В 1936 году Гитлер одобрил назначение 24-летнего Вернера фон Брауна техническим руководителем ракетного проекта и крупнейшей базой для испытания ракет Пенемюнде.

Весной 1939 года Гитлер после возвращения из оккупированной Чехословакии прибыл на побережье Балтийского моря в Пенемюнде. Его сопровождал генерал-лейтенант доктор философии Беккер. Другой доктор философии Вернер фон Браун доложил фюреру о работах, проводившихся на ракетном полигоне. Гитлеру были продемонстрированы запуски ракет. На банкете, устроенном в полигонной офицерской столовой, фюрер выразил восхищение увиденным.

По указанию Гитлера главнокомандующий сухопутными войсками Браухич осенью 1939 года после нападения на Польшу, которое стало началом Второй мировой войны, объявил германскую ракетную программу сверхсрочной и подписал приказ о ее немедленном выполнении. Вся промышленная мощь Германии и оккупированных ею стран была направлена на создание нового секретного немецкого оружия.

4. Борьба среди революционных полководцев

В то время, когда германские генералы искали способ, как обойти Версальский договор, чтобы создать Великую Германию, на обломках Российской империи возникла новая страна. Гражданская война закончилась. Перед руководителями новой Российской Федерации, а затем СССР встали важнейшие вопросы, связанные с построением мощнейшего государства. Для защиты страны должны были быть созданы дееспособные вооруженные силы.

Вспомним Гражданскую войну. Честь и хвала коннице Буденного, разгромившей Белую гвардию, бросившую своих коней при бегстве в эмиграцию. Наряду с буденновцами с белыми, сражались красные пехотинцы, артиллеристы... Не было бы победы, если бы для ее достижения не трудились руководители страны и командующие фронтами.

Но нельзя было жить прошлыми достижениями. Однако часть высокопоставленных руководителей страны еще не могла остыть от победной эйфории и ласковым взглядом встречала и провожала на парадах конные подразделения.

Но были и другие лидеры страны, для которых «стариками» были уделом прошлого. Между теми и другими возникли неустрашимые мирным путем противоречия. Их начало было заложено уже при первых шагах советской власти. Не буду обсуждать на этих страницах ленинизм, троцкизм и сталинизм, лишь вскользь прикоснусь к ним. Моя задача – вооружение. Именно вооруженные силы пострадали больше всего в тридцатые годы прошлого века, когда произошла борьба мнений, закончившаяся кровопролитием. Тогда развернулась в вооруженных силах борьба между «лошадниками» и «технарями».

Яркой личностью был Климент Ефремович Ворошилов. Он родился в 1881 году на Украине возле Луганска. Работал на заводах и в шахтах. В 1903 году вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию (большевиков). В Гражданскую войну командовал войсками на Царицынском фронте, Северо-Кавказском, в 1924–1925 годах – командующий войсками Московского военного округа, с 1925 по 1934 год – нарком по военным и морским делам СССР, с 1934 по 1940 год – нарком обороны СССР.

Легенда о военачальнике Ворошилове преподносила гражданам СССР его неоценимый вклад в оборону Царицына в 1918 году. Но давайте обратимся к историческим документам, опубликованным в 1999 году в Москве, в издательстве «Российская политическая энциклопедия». В серии «Документы Советской истории» вышел сборник документов «Советское руководство. Переписка. 1928–1941». Составители А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, О.В. Хлевнюк. В наше время переписка между тогдашними лидерами СССР имеет огромное значение для понимания происходившего тогда, ведь стенограммы заседаний Политбюро тогда, как правило, не велись. Сохранились чудом лишь телеграммы между руководителями страны, главами воинских подразделений и их записи в личных записных книжках, а также их пометки на телеграммах.

Часть из них сохранилась до наших дней при интереснейших обстоятельствах.

В тридцатые годы шла в советском руководстве борьба за власть. Для укрепления позиций Сталина Климент Ефремович послал Иосифу Виссарионовичу копии телеграмм между Троцким и руководителями обороны Царицына. Привожу ворошиловские копии из вышеупомянутого сборника документов «Советское руководство. Переписка. 1926–1941».

НАПИСАНО НА БЛАНКЕ —

«НАРОДНЫЙ КОМИССАР ПО ВОЕННЫМ И МОРСКИМ ДЕЛАМ И
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЕННОГО СОВЕТА СССР»

Текст на бланке представляет для нас особый интерес.

«Политбюро ЦК тов. СТАЛИНУ

9 июня 1933г

Посылаю(в копиях) 5 документов

ПЕРВАЯ КОПИЯ: " Арзамас, Реввоенсовет. Завтра выезжаю на Южный фронт, где отношения не нормальные. Сталин и Минин остаются в Царицыне. Никакой общей работы с Сытиным нет. Я приказал Сталину, Минину немедленно прибыть в Козлов (ныне Мичуринск Тамбовской области, здесь была ставка Троцкого – автор) и конструировать Реввоенсовет Южного фронта. 2 октября 1918 г. Предреввоенсовет Троцкий"

Справа, в верхнем углу автограф Сталина: " Троцкий хвастает и врёт: никакого "приказа", ни устного, ни письменного, я не получал И.Ст."

Ниже автограф Ворошилова: "Да, дорогие друзья, теперь всё ясно, Троцкий хвастун, позёр и, что самое главное, подлый лгун. Теперь этот факт подтверждённый событиями – взять хотя бы "бучу" Троцкого в ПБ (ПОЛИТБЮРО– главный орган ЦК ВКП(б) – автор) по поводу якобы специальной телефонной проводки в его квартире для подслушивания его (Троцкого) разговоров (ныне слежка ведется современными электронными способами, об этом говорят разоблачения действий агентства национальной безопасности США американцем Эдвардом Сноуденом – автор). Сколько человек шумел, возмущался, негодовал, а на поверку оказалось, вместо проводки шнурок или верёвочка от занавески. Теперь многое ясно, а 14 лет тому назад, не будь Сталина на Царицынском фронте, Троцкий не только загубил бы этот фронт, он уничтожил бы в первую голову и командарма 10 (10-ой армии – автор), свалив неудачи и гибель тысяч красноармейцев на его голову. Правда и в 19 и 20 гг. Троцкий путём клеветы, инсинуации, подделки фактов пытался меня "угробить", но спасибо Сталину, вовремя всегда парировавшего "удары" этого горе вояки. Жаль нет времени, да и "зуда" писательского не хватает, а то следовало бы заняться разоблачением этого субъекта, так ловко лавировавшего несколько лет между коммунизмом и самым оголтелым контрреволюционным меньшевизмом и просто буржуазным радикализмом. Жаль! 14.06.1933".

ВТОРАЯ ЛЕНИНУ: «Москва. Председателю ЦКК, копия Москва Предсовнарком. Категорически настаиваю на отозвании Сталина. На Царицынском фронте неблагоприятно, несмотря на избыток сил. Ворошилов может командовать полком, но не армией в пятьдесят тысяч солдат. Тем не менее я оставляю его командующим десятой царицынской армии на условии подчинения командарму южной Сытину. До сегодня царицынцы не посылают в Козлов даже оперативных донесений. Я обязал их дважды в день представлять оперативные и разведывательные сводки. Если завтра это не будет выполнено, я отдам под суд Ворошилова и Минина и объявлю это в приказе по армии. Поскольку Сталин и Минин остаются в Царицыне, согласно конституции Реввоенсовета пользуются только правами членов Реввоенсовета десятой армии. Их коллегиальное командование мы признать не можем и ответственность за все оперативные действия возложена прямо лично на Ворошилова. До наступления остается короткий срок до осенней распутицы, когда здесь нет дороги ни пешеходу, ни всаднику. Без координации действий с Царицыным серьезные действия невозможны. Для дипломатических переговоров времени нет. Царицын должен либо подчиниться, либо убраться. У нас успехи во всех армиях кроме южной и в особенности царицынской, где у нас колоссальное превосходство сил, но полная анархия в верхах. С этим можно совладеть в 24 часа при условии вашей твердой и решительной поддержки. Во всяком случае это единственный путь, который я вижу для себя.4/10.Троцкий".

В левом верхнем углу опровергающая запись: "Троцкий врет и мошенничает, чтобы обмануть Ленина на счет действительного положения на Царицынском фронте. Все знали, что Сытин, как комфронта – "смехота". Болтовня о неудачах на Царицынском фронте – обман, клевета. Всем известно, что троцкистская комбинация с переносом центра в Козлов и "командование" Сытина и Шляпникова привели к падению Царицына. До этих "реформ" Царицын стоял, как скала. И. Сталин".

Напротив подчёркнутых фраз "...я отдам под суд Ворошилова и Минина..." Сталин на полях приписал: "Хвастун! Ха-ха-ха..." Напротив фразы: "...Царицын должен либо подчиниться, либо убраться" Сталин вновь приписал на полях: "Хвастун!".

ТРЕТЬЯ: "Москва. Председателю ЦИК Свердлову. Вчера по прямому проводу возложил ответственность на Ворошилова как командующего за царицынскую армию. Минин член Реввоенсовета десятой царицынской армии. О Сталине вопроса не ставил. Предоставляю урегулировать дело партийной инстанции. Минин пытался упорствовать в этом направлении, что Царицынский Реввоенсовет есть Реввоенсовет Южного фронта. Я приказал ему подчиниться решению. Чем больше знакомлюсь с положением дел и взаимоотношений, тем яснее для меня недопустимая политика Царицына. В Козловский совет включены Шляпников, Мехоношин и Лазимир, что придает совету достаточную авторитетность. Здесь вся беда в командной анархии. Надеюсь устранить ее. Царицынцам предоставляется полная возможность в нынешнем составе ликвидировать допущенный ими прорыв. Выеду туда после прибытия сюда Вацетиса, т. е. (через) четыре, два, три дня и только на месте предприму необходимые изменения, считаясь с обстоятельствами. 5.10. Привет. Троцкий".

Напротив подчеркнутой фразы: "О Сталине вопроса не ставил" на полях автограф Сталина: "Почему?". Напротив фразы: "В Козловский совет включены Шляпников, Мехоношин и Лазимир, что придает совету достаточную авторитетность" – автограф Сталина: "Конечно, хе-хе..." Напротив фразы: "Царицынцам предоставляется полная возможность в нынешнем составе ликвидировать допущенный ими прорыв" – автограф Сталина: "Какой?" В верхнем правом углу телеграммы – автограф Сталина: "Троцкий врёт на счет прорыва на Царицынском фронте, чтобы обмануть Свердлова". Под текстом автограф Орджоникидзе: "Да, Шляпников, Мехоношин, Лазимир – придадут "авторитетность" командованию, только не хватает Окулова!!".

Четвертая: "Арзамас. Реввоенсовет. Ваши телеграммы в Царицын мне не понятны и способны только усугубить хаос. Реввоенсовет Южного фронта находится не в Царицыне, а в Козлове. Члены его командарм Сытин и Мехоношин. Сталин, Минин и Ворошилов поскольку остаются в пределах Царицынской армии пользуются только правами членов реввоенсовета десятой (армии – автор). Ворошилов – командарм десятой подчинен непосредственно и Сытину. Этого порядка нужно строжайшим образом держаться. Всё снабжение должно идти через Козловский штаб. Проводите строжайшим путём эту линию и мы заставим царицынских дезорганизаторов войти в колею. 5/10. Свердлов."

В левом верхнем углу автограф: "То-то "организаторы" Сытин, Троцкий, Шляпников организовали потом сдачу Царицына... И. Сталин." На полях, напротив подчёркнутых слов автограф Сталина: " Ха-ха-ха...".

Пятая: Троцкому. Из штаба Восточного фронта. Принята 16 октября 1918 г. Вне очереди. «Только Троцкому. Царицын. Ворошилову. Копии Царицын Минину. Козлов, Сытину. Москва ЦИК Свердлову. Арзамас 15 октября. Из ваших сегодняшних телеграмм, обращённых непосредственно ко мне, я вижу, что защита Царицына доведена Вами до катастрофического состояния, а между тем Ваши прежние донесения свидетельствовали о том, что Царицын защищается многочисленными отрядами. Нынешнее катастрофическое положение Царицына всецело ложится на Вашу ответственность, ибо произошло исключительно от Вашего нежелания работать в контакте с командфронтом Сытиным. Ваше постоянное непосредственное обращение ко мне ставит меня в затруднительное положение, ибо невозможно управлять отдельными участками различных фронтов. Ввиду серьёзного положения Царицына я направляю теперь туда резерв непосредственно в Ваше распоряжение и приказываю Вам как помощнику командующего фронта, назначенному на эту должность Реввоенсоветом Республики, вступить в командование этими резервами и ликвидировать наступление казаков. Царицын не должен быть отдан ни под каким видом. Немедленно приказываю приступить к укреплению Царицына,

налаживать на эти работы всё население и работать день и ночь. Ни в коем случае Царицын не оставлять, ибо с севера идут резервы и казачьи отряды должны быть Вами разбиты чего бы это ни стоило. В будущем категорически приказываю Вам действовать по указанию команд-фронтом Сытина и в полном с ним контакте. Главком – Вацетис. Член РВС – Данишевский. За начштаб Майгуур".

В левом верхнем углу письма автограф: "Опереточный "главком" опереточному "пред-реввоенсовета"... И. Сталин".

ПОДПИСЬ ПОД СОПРОВОДИТЕЛЬНЫМ ПИСЬМОМ: ВОРОШИЛОВ

В верхнем правом углу сопроводительного письма автограф Сталина: "Т.Т. Молотову, Кагановичу, Орджоникидзе с просьбой вернуть по прочтении т. Ворошилову. И. Сталин". Рядом автографы: "Читал. Молотов", "Л. Каганович", "Читал. Троцкий харахорится и думает, что командует и управляет армиями. С.Орджоникидзе".

ЛИЦА, УПОМЯНУТЫЕ В ДОКУМЕНТЕ:

1. СЫТИН П.П. – (1870–1938) с июля 1918 года начальник 2-ой Орловской дивизии, с конца августа военный руководитель Южного участка отрядов завесы, с сентября по ноябрь 1918 г. командующий Южного фронта. Репрессирован в 1938 г..

2. ВАЦЕТИС И.И. – (1873–1938) – с апреля 1918 г. начальник Латышской стрелковой дивизии. В июле-сентябре 1918 г. – командующий Восточным фронтом. В сентябре 1918 г – июле 1919 г. – главнокомандующий Вооружёнными Силами Республики и член РВСР. Репрес-сирован 1938 г..

3. ДАНИШЕВСКИЙ К.Х. – (1884 – 1938) – член партии с 1900 г. В июле-октябре 1918 г – член РВС Восточного фронта, в сентябре 1918 г – апреле 1919 г. – член РВСР и председатель Ревтрибунала Республики. Репрессирован в 1938 г..

4. МИНИН С.К. – (1882–1962) – член партии с 1905 г. В 1917–1918 гг – председатель Царицынского комитета РСДРП(б), городской голова Царицына, председатель штаба обороны Царицынского совета.

5. МЕХАНОШИН К.А. (1889–1938) – член партии с 1913 г. С ноября 1917 г замести-тель наркома по военным делам. В декабре 1917 г – сентябре 1918 г – член коллегии Нарком-воена. С января 1918 г. член Всероссийской коллегии по организации и формированию Крас-ной Армии, член Высшего военного совета. В июле – августе 1918 г – член РВС Восточного фронта. В 1928 – 1929 гг. работал в Госплане СССР, затем член коллегии НКСвязи, директор Всесоюзного института океанографии и морского хозяйства. Репрессирован в 1938 г..

6. ШЛЯПНИКОВ А.Г. (1885 – 1943) – член партии с 1901 г. В 1918 г – член Реввоенсовета Южного фронта, затем председатель Реввоенсовета Каспийско – Кавказского фронта.

7. Окулов А.И. (1880–1939) – член партии с 1903 г. В мае – июне 1918 г. председатель, в июле военком Военно – оперативного штаба Западной Сибири. В октябре – декабре 1918 г. член РВС Южного фронта, одновременно член РВС 10-й армии. В январе – июле 1919 г. член РВСР, одновременно в январе – мае член Революционного военного трибунала Республики.

Прочитав эти документы, можно прийти к следующим выводам. Во время Гражданской войны бардак царил в высших эшелонах руководства армии и страны. Руководители ссорились, как малые ребята: кто кого главнее. Как только мог управлять страной в этом бардаке Ленин? И все таки умудрялся успешно управлять!

И еще один вывод. Еще раз прочитайте фразу из второй телеграммы. Троцкий телегра-фирует Ленину: «...До наступления остается короткий срок до осенней распутицы, когда здесь нет дорог ни пешеходу, ни всаднику...».

Вот так и воевали в начале XX века наши предки. Тогда и лошади ковали победу.

Были наши предки успешными политиками, пытались осилить экономические и воин-ские проблемы управления страной. Не каждому это удавалось. На этом необычном для лоша-дино-революционном задоре гражданской войны Тухачевский выглядел звездой особой вели-

чины. Например, когда он командовал войсками, освобождавшими от белых Симбирск, один его полк передвигался уже на машинах.

Когда Тухачевский в 1935 году стал маршалом СССР и заместителем наркома обороны Советского Союза, он неоднократно повторял выпускникам военных училищ:

«Запомните, что надетая на вас форма и все, что с ней связано, – это пожизненно».

Из этого кредо следует, что Тухачевский был прежде всего военным человеком и был им всю свою легендарную жизнь.

5. Тухачевский – новатор будущей войны

Прекрасно описана жизнь этого выдающегося советского маршала в книге Б.В. Соколова «Михаил Тухачевский: жизнь и смерть «Красного маршала» (Издательство «Русич», Смоленск, 1999 г.).

Он впервые надел военную форму – форму кадета 1-го Московского императрицы Екатерины кадетского корпуса. И уже не снимал вплоть до последних мгновений жизни (правда, незадолго до смерти роскошный маршальский мундир пришлось сменить на поношенную красноармейскую гимнастерку). В военной профессии он нашел свое жизненное призвание.

1-й Московский кадетский корпус представлял собой привилегированное заведение. Здесь хорошо было поставлено преподавание не только специальных военных, но и общеобразовательных предметов. Михаила Тухачевского увлекло военное дело. Он вполне привык к спартанскому быту в стенах корпуса, охотно занимался строевой подготовкой, ходил в бойскаутские экскурсии-прогулки, будучи физически сильным и ловким, был первым в гимнастическом классе... Рассказывали, что Тухачевский мог, сидя в седле, подтянуться на руках вместе с лошадью. Год выпуска Тухачевского, 1912-й, – год 100-летия Отечественной войны 1812 года. Соответственно и темой выпускного сочинения у кадетов стала «Отечественная война и ее герои». Им устроили экскурсию на Бородинское поле, да не простую, а в условиях, приближенных к боевым: с разведкой, марш-броском, с полевыми кухнями... Тухачевский все экзамены сдал на «отлично», и 1 июня 1912 года получил заветный аттестат. Его имя было занесено на мраморную доску. Еще в корпусе Михаил составил словарь, пословиц и поговорок, относящихся к военному делу: «Смелый приступ – половина победы», «Бой отвагу любит», «Крепка рать воеводой», «Умей быть солдатом, чтобы быть генералом». Юный кадет мечтал о будущем генеральстве.

Перед смертью его дедушка – генерал взял с внука Михаила обещание выполнить три вещи: «Первое, что ты окончишь училище фельдфебелем. Второе, что будешь умеренно пить. И третье, что окончишь Академию Генерального штаба. Постарайся выйти в Семеновский полк. В Семеновском служил с начала его основания, при Петре, наш предок Михаил Артамонович Тухачевский. Вон там, в бюро, в верхнем ящике его портрет-миниатюра, я его дарю тебе, ты на него и лицом похож...»

И внучатый племянник выполнил все дедовские заветы.

12 июля 1914 года Михаил Тухачевский закончил Александровское военное училище первым по успеваемости и дисциплине. Его произвели в подпоручики и, по правилам, предоставили свободный выбор места службы. Тухачевский, как и завещал дед-генерал, предпочел лейб-гвардии Семеновский полк. Но началась Первая мировая война. Семеновский полк оказался в Польше, в районе Варшавы. Молодого подпоручика назначили младшим офицером (по-нынешнему – заместителем командира) 7-й роты 2-го батальона. Ротой командовал опытный воин капитан Веселаго, добровольцем участвовавший еще в русско-японской войне. Вскоре полк перебросили в район Ивангорода и Люблина против австро-венгерских войск. 2 сентября 1914 года рота Веселаго и Тухачевского под фольварком Викмундово у местечка Кржешов с боем форсировала реку Сан по подожженному австрийцами мосту, а потом благополучно вернулась на восточный берег с трофеями и пленными. Командир роты за этот подвиг получил орден Св. Георгия 4-й степени, младший офицер – орден Св. Владимира 4-й степени с мечами.

Тухачевский отличился еще несколько раз. Его товарищ по полку А. А. Типольт, командовавший взводом в 6-й роте того же 2-го батальона, вспоминал случай, происшедший в конце сентября или начале октября 1914 года:

«Полк занимал позиции неподалеку от Кракова, по правому берегу Вислы. Немцы укрепились на господствующем левом берегу. Перед нашим батальоном посредине Вислы находился небольшой песчаный островок. Офицеры нередко говорили о том, что вот, дескать, не худо бы попасть на островок и оттуда высмотреть, как построена вражеская оборона, много ли сил у немцев... Не худо, да как это сделать? Миша Тухачевский молча слушал такие разговоры и упорно о чем-то думал. И вот однажды он раздобыл маленькую рыбацью лодчонку, борта которой едва возвышались над водой, вечером лег в нее, оттолкнулся от берега и тихо поплыл. В полном одиночестве он провел на островке всю ночь, часть утра и благополучно вернулся на наш берег, доставив те самые сведения, о которых так мечтали в полку».

Развернулись тяжелые бои в районе польского города Ломжа. О них вспоминал позднее генерал П. Н. Краснов, в гражданскую ставший донским атаманом:

«Шли страшные бои под Ломжей. Гвардейская пехота сгорала в них, как сгорает солома, охапками бросаемая в костер».

В тех боях суждено было сгореть без остатка и роте Тухачевского. 19 февраля 1915 года Семеновский полк занимал позиции в лесу перед селением Высокие Дужи, расположенном на дороге между городами Ломжа и Кольно. Днем немцы атаковали окопы семеновцев после мощной артподготовки, но захватить их не смогли. Тогда ночью они предприняли внезапную атаку, прорвались в стыке двух рот и окружили 7-ю роту. В рукопашном бою она была уничтожена почти полностью. Оставшиеся в живых солдаты и офицеры попали в плен. Выскочившего из блиндажа капитана Веселаго немцы подняли на штыки. Впоследствии на его теле насчитали более двадцати штыковых ран. Опознать обезображенный труп ротного удалось только по Георгиевскому кресту – сослужила-таки награда службу. Тухачевскому повезло больше. В момент атаки он спал в неглубоком окопчике. Проснувшись, пытался организовать сопротивление своей роты, отстреливался от нападавших из револьвера, но был быстро сбит с ног, оглушен и очутился в плену. Приказом по полку от 27 февраля 1915 года Тухачевский вместе с Веселаго были объявлены погибшими. Лишь несколько месяцев спустя семья получила через Красный Крест письмо из Германии от Михаила. Мать и сестры несказанно обрадовались его «воскрешению».

Из-за морской блокады со стороны Антанты население Германии вело полуголодное существование. Сами немцы называли свое существование во время жесткого нормирования продовольствия еще одним плодом немецкой изобретательности в эпоху «гениально организованного голода». В письмах сестрам Тухачевский советовал перечитывать «Слово о полку Игореве», намекая, что, подобно герою древней поэмы, готовится к бегству из плена. Он мечтал вернуться на фронт, воевать, верил в победу над Германией и ее союзниками, горел желанием показать свое воинское мастерство, найти на полях сражений свой Тулон (В 1793 году французские войска под предводительством 24-летнего Наполеона Бонапарта штурмом выгнали англичан из французского города Тулон, за это Наполеон получил звание бригадного генерала, он стал знаменитым. Сотни юношей стали мечтать о своем Тулоне. В романе Льва Толстого «Война и мир» юный князь Андрей Болконский то же мечтал о своем Тулоне).

Позже Михаил признавался любимой женщине Лидии Норд:

«Войне я очень обрадовался... Мечтал о больших подвигах, а попал в плен. Но еще до плена я уже получил орден Владимира с мечами. В душе я очень гордился этим, но старательно скрывал свое чувство от других. И был уверен, что заслужу и Георгиевский крест».

Четыре раза пытался Тухачевский бежать из плена. Все четыре попытки были неудачными. Так, во время третьего побега из офицерского лагеря в Бад-Штуере, Тухачевский вместе с прапорщиком Филипповым выбрались из-за колючей проволоки в ящиках с грязным бельем. Двадцать шесть дней добирались беглецы до голландской границы, питаясь только тем, что ночью удавалось стянуть на крестьянских огородах. Филиппову повезло уйти в Голландию, а Тухачевского у самой цели схватили германские пограничники. В конце концов его отправили

в знаменитый интернациональный лагерь в 9-м форте старинной баварской крепости Ингольштадт, куда свозили со всей Германии самых неисправимых беглецов. Здесь были не только русские, но и французы, англичане, итальянцы, бельгийцы... Из казематов форта убежать было очень сложно, но Тухачевский не оставлял мысль о том, чтобы любой ценой вырваться из плена. И помогал бежать другим. Французский офицер Гойс де Мейзерак, дослужившийся потом до генерала, вспоминал, как Тухачевский согласился назваться вместо него на вечерней поверке, чтобы прикрыть побег и дать беглецу, выбравшемуся за пределы крепости в коробке из-под бисквитов, возможность выиграть первые, самые дорогие часы у погони.

Свояченице Михаил Николаевич позднее говорил:

«Сидевший со мной в плену в Ингольштадте, куда меня привезли после четвертого побега, французский офицер, когда я снова начал строить планы побега, сказал: «Вы, наверное, маньяк, неужели вам не довольно неудачных попыток...» Но неудачи первых побегов меня не обескуражили, и я готовился к новому. Немцев я ненавидел, как ненавидит дрессировщиков пойманный в клетку зверь. Рассуждения моих товарищей по плену, иностранных офицеров, о причинах неудач русско-японской кампании и наших поражений в эту войну меня приводили в бешенство. Устав обдумывать план побега, я отдыхал тем, что мысленно реорганизовывал нашу армию, создавал другую, которая должна была поставить на колени Германию. И дать почувствовать всему миру мощь России. Я составлял планы боевых операций и вел армии в бой... Может, тогда я был на грани помешательства...»

В Ингольштадте Тухачевский встретился с французским капитаном Шарлем де Голлем, будущим генералом и президентом Франции.

Другой француз, Реми Рур, так же, как и Тухачевский оказавшийся пленным в Ингольштадте, не просто беседовал с Тухачевским, но и делал записи о них в своем дневнике. Позже он на основании своих записей опубликовал в 1928 году первую в мире книгу о Тухачевском (под псевдонимом Пьер Фервак). Как отметил в книге Поль Фервак, они много спорили друг с другом. Фервак был анархистом. Тухачевский мечтал о военных победах России. Есть в книге и такие строки:

«Мы спорили о христианстве и Боге, искусстве и литературе, о Бетховене, о России и «русской душе», о русской интеллигенции. Молодой русский офицер оказался заядлым спорщиком».

Тухачевский говорил Ферваку:

«Чувство меры, являющееся для Запада обязательным качеством, у нас в России – крупнейший недостаток. Нам нужны отчаянная богатырская сила, восточная хитрость и варварское дыхание Петра Великого. Поэтому к нам больше всего подходит одеяние диктатуры. Латинская и греческая культура – это не для нас! Я считаю Ренессанс наравне с христианством одним из несчастий человечества... Гармонию и меру – вот что нужно уничтожить прежде всего!»

В книге Б.В. Соколова «Михаил Тухачевский: жизнь и смерть «Красного маршала» можно прочитать и такое интереснейшее воспоминание Фервака. Михаил считал, что «Россия похожа на Бетховена – великого и несчастного музыканта. Она еще не знает, какую симфонию подарит миру, поскольку не знает и самое себя. Она пока глуха, но увидите – в один прекрасный день все будут поражены ею... Если Россия не будет иметь сильную армию, она не будет Великой. У нее должны быть великие полководцы». Фервак отметил в своей книге, что у него сложилось впечатление, что Тухачевский явно грезил о лаврах Наполеона.

Пришел 1917 год. Россия «забеременела» революцией. В лагерь для военнопленных дошли скудные сведения о ней. В своем дневнике Фервак записал и «революционные» мысли Тухачевского:

«Вот вчера мы, русские офицеры, пили за здоровье русского императора. А быть может, этот обед был поминальным. Наш император – недалекий человек... И многим офицерам

надоел нынешний режим... Однако и конституционный режим на западный манер был бы концом России. России нужна твердая, сильная власть...»

Слухи об отречении царя, слабости Временного правительства и развале армии заставили Тухачевского признаться Ферваку:

«Если Ленин окажется способным избавить Россию от хлама старых предрассудков и поможет ей стать независимой, свободной и сильной державой, я пойду за ним».

А в другой раз еще более определенно заявил:

– Я выбираю марксизм!

Как ни строго охраняли немцы лагерь для военнопленных, все же двум русским офицерам удалось вырваться из его оков. Шестеро суток скитались беглецы между немецкими хуторами, скрываясь от погони. А на седьмые наткнулись на жандармов. Тухачевский удрал от преследователей. А капитан Чернявский оказался снова в Ингольштадте.

5 сентября (по новому стилю – 18 сентября) Тухачевскому удалось перейти германо-швейцарскую границу. Из нейтральной Швейцарии до Франции «рукой подать». 29 сентября (12 октября) 1917 года не потерявший силу духа младший офицер явился к русскому военному атташе во Франции генералу графу А. А. Игнатьеву (Игнатьев вскоре тоже уехал в Россию к большевикам, там он стал наряду с Алексеем Толстым, еще одним «красным графом»). Алексей Алексеевич вручил Михаилу Николаевичу рекомендательное письмо российскому атташе в Лондоне генералу Н. С. Ермолову:

«По просьбе бежавшего из германского плена гвардии Семеновского полка подпоручика Тухачевского мною было приказано выдать ему деньги в размере, необходимом для поездки до Лондона. Прошу также не отказать помочь ему в дальнейшем следовании».

Уже 16 октября Тухачевский оказался в Петрограде, где явился для продолжения службы в запасной батальон Семеновского полка. 25 октября 1917 года (по новому стилю – 7 ноября) произошло величайшее событие в истории России XX века – Октябрьская революция, решающим образом повлиявшая на судьбы миллионов наших сограждан.

В декабре 1917 года В.И. Ленину рассказали о офицере, вырвавшемся из немецкого плена, взгляды которого в какой-то степени близки к большевистским. Состоялась беседа Ленина с Тухачевским. После нее офицер, склонный к марксизму, сделал очередной решительный шаг в своей жизни – записался в Красную Армию. Его вторым решительным шагом в 1918 году было вступление в партию большевиков. В Красной армии военачальников с военным образованием было не много. Перед Тухачевским открылись перспективы головокружительной военной карьеры.

Был назначен командующим армией на Восточном фронте. Прибывшие на фронт Троцкий, Сергей Каменев, Фрунзе, Тухачевский переломили неблагоприятный для большевиков ход боевых действий на Восточном фронте, отбили приволжские города, занятые белыми войсками, отбросили противника за Урал.

Армия Тухачевского продолжила победное наступление в 1919 г. в Сибири. Тухачевский взял столицу Верховного правителя России адмирала Колчака город Омск. После этой победы пришла очередная. Главком С. С. Каменев 20 марта 1920 года докладывал В. И. Ленину, что планируется назначить командующим Западным фронтом М. Н. Тухачевского, «умело и решительно прошедшего последние операции по разгрому армий генерала Деникина», а 26 марта Реввоенсовет Республики отметил, что «Западный фронт является в настоящее время важнейшим фронтом Республики». И на этом направлении Западный фронт под командованием Тухачевского одержал победу.

И далее Михаил Тухачевский успешно руководил боевыми операциями в целях изгнания белогвардейцев с Северного Кавказа, других районов страны, подавления восстаний в Кронштадте, на Тамбовщине... Единственное место, где сорвалась его боевая операция – это была Варшава.

Но Гражданская война закончилась, и страна приступила к реформированию своих вооруженных сил. Какими они должны быть?

В 1931 году вышла в свет книга «К характеристике новых тенденций в военном деле» участника Гражданской войны, начальника штаба Ленинградского военного округа Бориса Мироновича Фельдман, закончившего академию РККА. На протяжении года она выдержала два издания. В ней утверждалось, что кавалерия будет играть значительную роль в будущей войне:

«Конница, вытесняемая могучей техникой с поля боя, приобретает большую, в сравнении с прошлым, ценность на театре военных действий. Богато оснащенные техникой армии находятся в большей зависимости от своего тыла, чем армии мировой войны. Ахиллесова пята моторизованных и механизированных армий – тяжеловесный тыл, с огромными запасами огнеприпасов, цистернами с бензином и маслом. Роль конницы, которая, найдя пути к этому чувствительному тылу, создает ему угрозу, еще больше возрастает в сравнении с прошлым. Технически богатая пехота – это оружие фронтальных действий. Чем больше танков, пулеметов, орудий, тем больше осложняется маневр пехоты. Конница и в будущей войне останется наиболее мощным оружием флангового воздействия. Таким образом, новая техника, изживая тактическую деятельность конницы, сводя бой в конном строю к редкому и счастливому исключению, усиливает размах оперативного и стратегического ее использования. Одновременно с перемещением боевой деятельности конницы с поля боя на театр войны (то есть в неприятельский тыл. – Борис Соколов) происходит перемещение ее силы с холодного оружия на огневые и прочие... технические средства... в кавалерийских дивизиях передовых армий уже введено такое новое вооружение, как бронемашин, танки, самолеты.

Благодаря внедрению техники конница приобретает еще большую подвижность, что вместе с усилением огневой мощи возрождает ее былую славу. Будущая конница – это сочетание лихости всадника, подвижности коня с мощными огневыми средствами – бронемашин, самолетами, артиллерией, танкетками. Конница, сдав в архив истории древнюю пику и вместе с ней архаичный взгляд на боевое применение конницы, должна серьезно готовиться к новой своей роли на театрах военных действий. Удар холодным оружием – это самое простое и легкое; он стар, как мир; удар же массовой конницы во взаимодействии с новейшей техникой требует более солидной выучки и более серьезной подготовки. Наша красная конница, не забывая ни на минуту, что восточноевропейский театр, на котором ей придется действовать на первых порах, а также социально-экономические и политические факторы во вражеском тылу открывают перед ней совершенно новые горизонты, должна полностью овладеть искусством ведения огневого боя, полностью овладеть применением современной техники. Программа ближайших лет должна предусмотреть насыщение красной конницы самоходной артиллерией, бронемашин и легкими танками. Красная конница – грозное оружие в будущей нашей схватке с империализмом; петь ей отходную, превращать ее в ездящую пехоту – ошибочно и вредно».

Прочитав этот пассаж, читатель будет в недоумении: что это такое – смесь абракадабры, то есть стремление посадить коней на танки, или танки на коней?

Действительно, для нас, людей XXI века, книга Б.М. Фельдмана может вызвать своей наивностью только улыбку. Но ведь в тридцатые годы прошлого века, действительно, вокруг лошадей и танков разгорались дискуссии!

Участники дискуссии порой забывали, что страна еще сельскохозяйственная. В то время в США было уже пару десятков миллионов машин. А в СССР всего лишь порядка тридцати тысяч. В это время в Германии главное Управление вооружений инициировало создание ракет дальностью в несколько сотен километров. Германская промышленность позволяла осуществить этот проект. Советская промышленность тогда только начала делать первые успехи.

Сердцу наркома вооруженных сил и морского флота К.Е. Ворошилова тоже была мила конница. Хотя он был и не против машин. В январе 1931 года на IX съезде комсомола Ворошилов произнес:

«...Война в нынешних условиях требует огромного количества машин, причем машин различного назначения, разных названий и огромной технической сложности. Война механизуется, индустриализуется, превращаясь в огромную... фабрику истребления людей».

20 августа 1937 года (в это время Вернер фон Браун работал над созданием ФАУ-2) С.М. Буденный направил К.Е. Ворошилову докладную записку, где писал: «Мне приходилось бороться, разумеется, при поддержке Вашей и т. Сталина, за существование конницы... Так как враги народа в лице Тухачевского, Левичева, Меженинова и всякой другой сволочи, работавшей в центральном аппарате, а также при помощи Якира, Уборевича, до последнего момента всяческими способами стремились уничтожить в системе вооруженных сил нашей страны такой род войск, как конница... Данным письмом я высказал те соображения, которые у меня за много лет накопились. Я не мог их Вам высказать лично в силу того, что всякий раз, предварительно ставя этот вопрос до доклада Вам, я встречал резкое сопротивление врагов народа... Они бешено возражали. Я глубоко убежден в том, что все изложенное мною властно диктуется современными условиями войны и сегодняшним днем. Категорически возражаю и буду возражать против какой бы то ни было реорганизации конницы и её сокращения». (РГВА Ф. 33987 Оп. 3. Д. 836, л.л.11,12).

Ворошилов ответил сугубо авторитетно: «т. Буденному С.М. Конницу обучали не враги народа, а мы с Вами, и Вы больше, чем я, т. к. непосредственно этим занимались. Как конница себя «чувствует» при совместных с танковыми частями и авиацией действиях, Вы отлично знаете. В разговорах со мной Вы признавали (много раз) резко изменившиеся условия для существования и действий конницы в современной войне. Конницу нужно и будем сокращать» (31.августа 1937 года).

Позиция Тухачевского, как видно из письма Буденного, была сугубо технической – в будущей войне на первый план выйдет техника, а не лошади. В своей книге «Новые вопросы войны» он даже не нашел для конницы отдельного параграфа, а при всех должностях Тухачевский считал своей главной задачей подготовку РККА к будущей войне. В январе 1930 г. он представил Ворошилову доклад о реорганизации Вооруженных сил, содержащий предложения об увеличении числа дивизий до 250, о развитии артиллерии, авиации, танковых войск и об основах их применения. Приводимые в докладе расчеты, основанные на опыте Германии и Франции в Первую мировую войну, содержали, например, предложение организовать в СССР производство ста тысяч танков за год. Это было интереснейшее предложение, но оно привело бы к милитаризации экономики СССР. Но реально ли оно было в тридцатые годы? Все таки СССР не Германия. Промышленные потенциалы не сравнимы!

Сталин не одобрил предложения Тухачевского, предпочел массовой постройке танков образца 1929 года модернизацию промышленности. Настаивал на применении техники двойного назначения (наземно– зенитной артиллерии, бронированных тракторах), на массовой замене всей артиллерии динамореактивными (безоткатными пушками).

Как это созвучно с концом восьмидесятых – началом девяностых годов прошлого века, но в обратном направлении. М.С. Горбачевым было предложено размилитизировать страну. То есть ракетные производства перепрофилировать на изготовление сковородок и чайников!

Бронированные тракторы и динамореактивная артиллерия – разве можно сравнить их с ракетами Вернера фон Брауна? Стали затрачиваться большие средства на эти сумасшедшие бронированные тракторы и неперспективные полукустарные динамо-реактивные пушки. Усилия в этой области ни к чему не привели. Только после войны были разработаны приемлемые образцы, но они получили узкую сферу применения.

Дискуссия есть дискуссия. Но что делать в реальности? Это сегодня в XXI века можно смотреть на тогдашние дискуссии с высоты космических полетов. А тогда руководителю страны надо было выбрать наиболее оптимальный путь. Но неужели оптимальный путь надо было прокладывать через расстрелы?

У военачальников Тухачевского, Гамарника, Уборевича, Якира сложились резко критические отношения к деятельности Ворошилова на посту наркома обороны. Маршал Жуков рассказывал писателю Симонову:

«Нужно сказать, что Ворошилов, тогдашний нарком, в этой роли был человеком малокомпетентным. Он так до конца и остался дилетантом в военных вопросах и никогда не знал их глубоко и серьёзно... А практически значительная часть работы в наркомате лежала в то время на Тухачевском, действительно являвшимся военным специалистом. У них бывали стычки с Ворошиловым и вообще существовали неприязненные отношения. Ворошилов очень не любил Тухачевского... Во время разработки устава помню такой эпизод... Тухачевский, как председатель комиссии по уставу, докладывал Ворошилову как наркому. Я присутствовал при этом. И Ворошилов по какому-то из пунктов... стал высказывать недовольство и предлагать что-то не шедшее к делу. Тухачевский, выслушав его, сказал своим обычным спокойным голосом:

- Товарищ нарком, комиссия не может принять ваших поправок.
- Почему? – спросил Ворошилов.
- Потому что ваши поправки являются некомпетентными, товарищ нарком».

В результате конфликтов с наркомвоенмором К. Е. Ворошиловым Тухачевский подал рапорт об освобождении от должности. С мая 1928 г. по июнь 1931 г. он – командующий Ленинградским военным округом.

Конфликт в Ворошиловым на какое-то время угас. В 1931 г. Тухачевский был назначен начальником вооружений РККА, затем заместителем председателя Реввоенсовета СССР, заместителем наркома по военным и морским делам (с 15.03.1934 – наркома обороны). В феврале 1933 г. награждён орденом Ленина. В феврале 1934 года на XVII съезде ВКП(б) избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б). В ноябре 1935 г. Тухачевскому присвоено высшее воинское звание – Маршал Советского Союза (среди первых пяти маршалов – Блюхер, Буденный, Ворошилов, Егоров), а в апреле 1936 г. он назначен 1-м заместителем наркома обороны.

Тухачевский лично проводил крупные манёвры армии и флота, анализировал их итоги, предлагал практические меры по улучшению управления войсками, требовал учить войска тому, что требуется на новой войне.

Тухачевский считал, что в отличие от Первой мировой войны роль авиации и танков существенно изменилась. Они перестали быть вспомогательным средством ведения пехотно-артиллерийского боя, Тухачевский видел «возможность путем массового внедрения танков изменить методы ведения боя и операции, ...возможность создавать для противника внезапные условия развития операции путем этих нововведений». Он предлагал «совершенно по-новому подойти к планированию всей системы вооружения, организаций, тактики и обучения войск. Недоучет этих возможностей может послужить причиной ещё больших потрясений и поражений в будущей войне».

Тухачевский внимательно следил за развитием военной мысли в Англии, Франции, Германии. Используя свое служебное положение, Тухачевский принимал участие в военном сотрудничестве между СССР и Германией в период с 1922 г. по 1933 г. и в 1932 г. посетил большие манёвры в Германии.

Общаясь с германским генералитетом, Тухачевский не мог не узнать о форсировании Дорнбергером и Вернером фон Брауном немецкого ракетостроения.

Ни поэтому ли Тухачевский ещё в ноябре 1932 г. добился продолжения в СССР работ по конструированию ракетных двигателей на жидком топливе, а в сентябре 1933 г. добился создания Реактивного НИИ, занимавшегося разработкой ракетного оружия в СССР?

6. С.П. Королев – летательные аппараты для будущей войны

Сергей Павлович Королев был на пять лет старше Вернера фон Брауна. Родился на грани между 1906 и 1907 годами (по старому летоисчислению – 30 декабря 1906 года, а по новому – 12 января 1907 года). Его дедушка Яков Петрович Королев был писарем в 114-ом пехотном Новаторском полку, а бабушка Доминикия – незаконнорожденный деревенский ребенок, поэтому отчества и фамилии по законам царской России у нее не было. В семье бабушки и дедушки было семеро детей – Павел, Мария, Александр, Иван, близнецы Вера, Надежда и Алексей.

Несмотря на фамилию, конечно, королевских и княжеских корней, как у Вернера фон Брауна, в роду у Сергея Павловича Королева даже при всем желании отыскать не возможно. Но в роду было то, что сближает Сергея Павловича Королева и Вернера фон Брауна – это их характеры.

Отец будущего главного конструктора ракетно-космических систем Павел Яковлевич Королев – первенец в семье – окончил Могилевское духовное училище, а затем Могилевскую духовную семинарию, но видя, что по своим способностям он выше церковного дьячка, решил не ограничиться духовным поприщем и поступить в Нежинский Историко-филологический институт графа Безбородко. По законам того времени он должен был при отказе от духовного сана оплатить обучение в училище и семинарии за их полный курс. Однако это не остановило Павла Яковлевича, уверовавшего в свои способности и имевшего напористый нрав.

Учился Павел Яковлевич в Нежинском Институте прекрасно. Когда наступило время распределения (по законам царской России выпускник Института должен был отработать шесть лет учителем словесности в учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения), Павел Яковлевич пришел к выводу, что его удел – не захудалая деревенская школа в глубинке. Устроил в распределительной комиссии скандал из-за назначения, по его мнению, в глухомань – город Екатеринодар (нынешний Краснодар). И тем не менее отправился с молодой женой на Кубань.

Мать Сергея Павловича – Мария Николаевна Москаленко. У матери был характер казачьего атамана с крутым нравом и большой пробивной силой. Дедушка Николай Яковлевич Москаленко – глава нежинских казаков. Бабушка Мария Матвеевна Москаленко из рода запорожских казаков Фурсов – энергичная и волевая купчиха. Ее соленые нежинские огурчики раскупались бочками в Риге, Таллинне и в столице Российской империи Санкт-Петербурге. Она имела титул «Поставщик огурчиков Его величеству императору – царю Всея Руси». Так что царь Николай II наслаждался огурчиками бабушки будущего покорителя космоса. Ни эти ли бабушкино-нежинские огурчики превратили могущественного царя Николая II в слабовольного бездарного типа, отказавшегося от престола и открывшего путь революционерам? Неужели бабушка покорителя космоса сделала свое прогрессивное дело? Уловила революционный настрой народа и подсыпала в огуречные соленья порошки волшебных трав, сделавших из самодержца обычную тряпку для мытья полов?

Конечно, представленное мною на суд читателей сочинение ближе к области фантастики. Но и фантастика имеет право на жизнь тем более, что юность Сережи Королева прошла в столице Малороссии Одессе. В Одессе правду преподносят, как юмор, а юмор – как жизненную необходимость.

И во время женитьбы Павел Яковлевич проявил свой железный характер. Девушке Маше Москаленко более нравился из двух приятелей ее брата Юры (тоже студента Института Безбородко) не вечно уверенный в себе Паша, такой же студент, как и Юра, а военнотрудовой офицерик Алеша. Павел был неумолим. Он настоял о браке перед отцом Маши и ее матерью. Обвечанные Паша и Маша отправились в Екатеринодар, зачали там будущего главного кон-

структура космических кораблей и поняли, что два волевых характера не могут ужиться вместе. В то же время Павел не прекращал доказывать Министерству народного просвещения, что он достоин большего, чем деревенский Екатеринодар. Министерство решило избавиться от надоедливого бывшего студента тем, что перевело его на службу, но не в столичные города Петербург, Москву или Киев, а в заштатный городок Житомир. Такое же захолустье по тем временам. Но там родился будущий главный ракетно-космический конструктор и от того город приобрел всемирную известность.

Родители развелись. Мама Маша отправила сына к бабушке и дедушке в Нежин. Там Сережа и провел свое детство в дедушкино-бабушкином дворе среди бочек с солеными нежинскими огурчиками, сыгравшими свою значительнейшую роль в российской истории.

В следующей главе жизненной истории С.П. Королева особую роль сыграл его отчим Григорий Михайлович Баланин. Он родился в Вологодской губернии, смог получить три высших образования. В Петербургском учительском институте стал учителем, в Германии на электромеханическом факультете инженерного училища в Митвайлде (Саксония) получил диплом инженера-электромеханика, в Киевском политехническом институте – инженера-технолога. Значительную часть жизни посвятил строительству элеваторов, в том числе и в Одесском морском порту.

Юность приемного сына Сережи Королева прошла в Одессе. Здесь он увлекся планеризмом.

Еще в школьные годы Сергей отличался исключительными способностями и неукротимой тягой к новой тогда авиационной технике. В 17 лет он уже разработал проект летательного аппарата оригинальной конструкции – «безмоторного самолета К-5». Тогда же он стал спортсменом – планеристом. Принимал участие в Крыму в соревнованиях планеристов

Поступив в 1924 г. в Киевский политехнический институт по профилю авиационной техники, Королев за два года освоил в нем общие инженерные дисциплины. Но не прижился в среде киевских планеристов. Никак не могли киевляне принять его в свои ряды, потому что своих мастеров спортсменов – планеристов хватало.

Как раз в это время отчим получил повышение по служебной лестнице и был переведен из Одессы в Москву. Мама Мария Николаевна решила, что сыну оставаться в Киеве не имеет смысла. Она и настояла, чтобы сын Сергей осенью 1926 года перевелся в Московское высшее техническое училище (МВТУ).

За время учебы в МВТУ С. П. Королев получил известность как молодой способный авиаконструктор и опытный планерист. Спроектированные им и построенные летательные аппараты: планеры «Коктебель», «Красная Звезда» и легкий самолет СК-4, предназначенный для достижения рекордной дальности полета, – показали незаурядные способности Королева как авиационного конструктора. Однако его особенно увлекали полеты в стратосфере и принципы реактивного движения.

В сентябре 1931 г. С. П. Королев и талантливый энтузиаст в области ракетных двигателей Ф. А. Цандер добиваются создания в Москве с помощью Осоавиахна общественной организации – Группы изучения реактивного движения (ГИРД). В апреле 1932 г. она становится по существу государственной научно-конструкторской лабораторией по разработке ракетных летательных аппаратов, в которой создаются и запускаются первые отечественные жидкостные баллистические ракеты (БР) ГИРД-09 и ГИРД-10.

7. В.П. Глушко – ракетные двигатели для будущей войны

Одесса подарила миру еще двух завоевателей космоса – В.П. Глушко и Н.Ф. Герасюту. О Николае Федоровиче Герасюте я расскажу позже. А сейчас о Главном конструкторе ракетно-космических систем Валентине Петровиче Глушко. Он был коренным одесситом.

О его родителях и детстве информации в биографических справочниках минимум. Я задался себе вопросом: почему? Пришлось порыться в ИНТЕРНЕТЕ. Наконец-то, биографические крохи были найдены в московском журнале «Новости космонавтики» (№ 9 (356) за 2012 год. Привожу отрывок из материала сына Валентина Петровича Александра Глушко «Беспокойное детство будущего ученого».

«Церковь Рождества Богородицы, что до сих пор стоит в бывшем одесском предместье Слободка-Романовка, помнит всех, кто хоть раз посещал ее стены. Одним из них был маленький мальчик, которого 14 сентября 1908 г. принесли родители и воспитатели».

Отставной ротмистр Авдий Зеневич, одетый в парадную форму, бережно взял на руки своего маленького крестника и вместе с Елизаветой Беловой, крестной младенца, вошел в трапезную церкви, где происходило крещение. А родители мальчика и его старшая сестра остались ждать на улице... Никто из участников этого действия не знал, что именно этот мальчик через много лет создаст самые мощные двигатели, которые выведут в космос первый спутник и первый пилотируемый корабль, что он останется в мировой истории как основоположник советского ракетного двигателестроения. Его имя – Валентин Петрович Глушко».

С помощью журнала «Новости космонавтики» удалось установить часть родословной будущего академика и дважды Героя Социалистического Труда.

Его отец Пётр родился в семье батрака Леонтия Глушко в селе Спасское Алтыновской волости Кровелецкого уезда Черниговской губернии в 1883 г. Интересен факт, что, судя по фотографиям, и Леонтий, и его сын Пётр были похожи скорее на мещан, чем на малообразованных батраков Черниговской губернии. Предположительно в конце 1890-х семья Глушко переезжает в Одессу, где в первые годы XX века студент одного из столичных высших учебных заведений Пётр Глушко, приехавший на каникулы к родителям, встречается с Матроной Семеоновной, ставшей потом его законной женой и матерью троих детей.

Отвоевав вольноопределяющимся на русско-японской войне, Пётр Леонтьевич был уволен из армии в чине прапорщика и, вернувшись в Одессу, начал «строить» свое дело. Чем конкретно он занимался, пока выяснить не удалось. Но о его широких связях в городе говорят те факты, что восприимчиками при крещении его троих детей были ротмистр в отставке Зеневич, потомственный почетный гражданин Дикгоф и жена столоначальника Одесской городской палаты Михайличенко. Другими восприимчиками были дети купцов, писавшиеся крестьянами.

У Петра и Матроны родилось трое детей: в 1907 г. – дочь Галина, в 1908 – сын Валентин и в 1915 г. – сын Аркадий...

Много позже младший брат В.П.Глушко Аркадий рассказывал своей жене, что семья Петра Леонтьевича Глушко имела три собственные квартиры в Киеве, Одессе и Львове. А сам академик вспоминал, что они ездили на собственном автомобиле и няня держала над ним зонтик, чтобы солнце не напекло голову...

...Грянул октябрьский переворот... Все, что было нажито, конфисковали – и ветеран великой войны, прапорщик запаса Пётр Глушко становится денкинским офицером... Информация об этом была основополагающей в следственном деле Петра Леонтьевича, когда в 1943 г. он был арестован органами НКВД города Ленинграда, как враг «народа» за антисоветскую агитацию.

Кочуя вместе с Белой армией, Пётр Леонтьевич перевозит семью ближе к себе, и его родные попадают в «водоворот» творившихся тогда в Киеве безобразий.

Что пришлось им пережить, можно судить по обрывочным воспоминаниям Валентина Петровича.

Живя в Киеве, они часто выглядывали в окно, чтобы успеть вывесить нужный флаг, так как власть в городе менялась почти каждый день. А перепутаешь – расстреляют... Когда же эта неразбериха надоела, семья переехала в Ирпень, где Валентин пошел во 2-й класс гимназии.

По другим данным, он из Киева каждый день ездил в Ирпень на учебу. Причина этого непонятна: то ли они жили на окраине Киева и ближе было ехать в пригород, то ли все киевские гимназии не работали (что маловероятно). Так что это пока остается загадкой.

Под ударами Красной армии белые отступали к морю. В 1919 г. семья опять вернулась в Одессу и поселилась в квартире 15 дома № 12 по Овчинникову переулку (ныне – переулок Нечипоренко).

Сохранилось прошение П.Л.Глушко на имя господина директора реального училища Св. Павла: «Желая дать образование своему сыну Валентину 11 лет во вверенном Вам учебном заведении. Прошу о принятии его во 2-й класс. Учился он во 2-м классе Ирпенской Городской Смешанной Гимназии. Переводные документы представлю дополнительно, так как при спешной эвакуации из г. Ирпеня, благодаря наступлению большевиков, получить таковые возможным не представилось. Приложение: метрическая выписка за № 956. П.Глушко».

Обучение тогда было платным, и за второй класс было уплачено 1250 и 2050 рублей за первое и второе полугодия соответственно, о чем свидетельствует пометка, стоящая после сумм в ведомости напротив фамилии Глушко...

...Только что закончилась гражданская война, принесшая с собой не только голод и ежеминутную угрозу смерти, но и неуверенность в завтрашнем дне. Город полон бандитов и комиссаров....

Но жизнь идет своим чередом. В 1919 г. Валентин Глушко зачислен в Реальное училище имени святого Павла, переименованное в IV Профтехшколу "Металл" им. Троцкого. Валентин закончил ее в 1924 г. Одновременно с учебой в профтехшколе руководил Кружком общества любителей мироведения при одесском отделении Русского общества любителей мироведения (РОЛМ).

В эти же годы (с 1920–1922 г.) Валентин занимался в консерватории по классу скрипки у профессора Столярова. Затем был переведен в Одесскую музыкальную академию.

С 1923 по 1930 гг. состоял в переписке с К.Э.Циолковским. Кроме того, он занимался сбором материалов для написания книги о межпланетных сообщениях, цель которой доказать необходимость завоевания мирового пространства.

По окончании IV Профтехшколы в 1924 г. он проходил практику на Арматурном заводе "Электрометалл" имени В.И.Ленина сначала в качестве слесаря, а затем токаря. Получил диплом об окончании школы, свидетельство токаря и слесаря. В это же время он закончил работу над первой редакцией своей книги "Проблема эксплуатации планет". В газетах и журналах публикуются его научно-популярные статьи о космических полетах "Завоевание Землей Луны" в 1924 году, "Станция вне Земли" в 1926 году и другие.

По путевке Наркомпроса УССР направляется на учебу в Ленинградский государственный университет. Приехал в Ленинград в августе 1925 года. Но в университете экзамены были уже закончены. Поэтому 1 курс Университета Валентин прослушал, как вольноопределившийся. В 1926 г. был зачислен на II курс физического отделения физико-математического факультета. Параллельно с учебой он работает в качестве рабочего – сначала оптика, а затем механика в мастерских Научного института им. П.Ф.Лесгафта, а в 1927 г. геодезистом Главного геодезического управления Ленинграда.

В качестве дипломной работы, состоящей из трех частей, Глушко предложил проект межпланетного корабля "Гелиоракетоплана" с электрическими ракетными двигателями.

Как рассказал «Комсомольской правде» (киевский выпуск 2 сентября 2008 года) сын Валентина Петровича Александр Глушко, во время дипломирования отца отчислили из университета за неуплату обучения. Тогда он по совету товарища отнес в апреле 1929 года часть диплома под названием «Металл, как взрывчатое вещество» в Комитет по изобретениям. Там эта часть дипломного проекта попала в руки в одного из служащих штаба начальника вооружений РККА по Ленинграду и Ленинградской области Николая Ильина. Вскоре Валентина Петровича вызвали к Ильину, где он узнал, что его работа прошла экспертизу у начальника газодинамической лаборатории Н. Тихомирова и профессора М. Шулейкина. Тихомиров предложил Валентину Петровичу немедленно начать экспериментальные работы по реализации этой части дипломного проекта.

15 мая 1929 г. Глушко зачислен в штат Газодинамической лаборатории (ГДЛ) в качестве руководителя подразделения по разработке электрических и жидкостных ракет и ракетных двигателей. В 1930 г. была разработана Валентином Петровичем конструкция и было начато изготовление первого отечественного жидкостного ракетного двигателя ОРМ-1.

В 1930 г. Глушко в качестве компонентов ракетных топлив были попробованы азотная кислота, растворы в ней азотного тетроксиды, перекись водорода и др.

Им были азработаны и испытаны профилированное сопло, теплоизоляция камеры ракетного двигателя двуокисью циркония и другими составами (патент получен в 1931 году). В 1932 году одновременно с работой в ГДЛ работал консультантом в Отделе лабораторий Путиловского завода.

За это время в ГДЛ были разработаны Глушко и его коллегами конструкции и испытаны двигатели серии ОРМ -1 ...ОРМ -52 на азотнокислотном-керосиновом топливе. Кроме того, разработаны конструкции ракет серии РЛА-1, РЛА-2, РЛА-3 и РЛА-100.

8. В.Н. Челомей – пульсирующие двигатели тоже пригодятся для будущих вооружения страны

Владимир Николаевич Челомей – личность известная. Но почему он стал известным? Потому что его слава заключалась в мощи его парадоксальных решений – решений, которые иным казались абсурдными, нелогичными, решений, не только продвигающих, а выталкивающих вперед наши науку и технику.

Владимир Николаевич Челомей родился в 1914 году, учился в Киевском политехническом до 1937 года, во время учебы выпустил солидный учебник по векторному анализу. Кто из студентов способен на это?

В 1936 году Челомей проходил производственную практику на авиационном заводе в Запорожье. Именно в это время на заводе случилось ЧП. Вал одного из авиационных двигателей, предназначенных для истребителей, не выдерживал расчетных нагрузок и ломался. Конструкторы пытались предотвратить поломки, увеличивая толщину вала, но и после этого двигатель регулярно выходил из строя. Можно догадаться, чем в те годы это грозило заводу. Главный инженер уже готовился к аресту, когда студент-практикант В. Челомей предложил ему свой способ устранения аварии: уменьшить толщину вала. Парадоксальное решение: не увеличивать толщину вала, а, наоборот, уменьшать! Утопающий главный инженер «ухватился и за соломинку»:

– Делай, но под личную ответственность!

И двигатель заработал!

После этого студент Челомей решил научить заводчан азам авиационных двигателей и прочел им курс блестящих лекций по их динамике. В этих лекциях он изложил результаты собственных исследований.

Тогда он и занялся пульсирующими воздушно-реактивными двигателями. В 1938 году Владимир получил авторское свидетельство в этой области.

В 1939-ом году Владимир защитил кандидатскую диссертацию по этой же теме. В 1940-ом был приглашен в «сталинскую» докторантуру (50 докторантов всего).

В это же время в Германии фирма «Аргус» поручает П. Шмидту создание аналогичного пульсирующего двигателя для беспилотного летательного аппарата. В конце 42-го такой двигатель и аппарат были разработаны. Аппарат получил название «Фау-1». Его конструкторы долгое время пытались устранить действия вибрации на приборное оборудование самолета-снаряда.

То, что не удалось достичь П. Шмидту, сделал Челомей. Испытания двигателя Владимира Николаевича с резко уменьшенными вибрациями проводились в то же время в Лефортове. Испытания пугали Москву звуками, схожими со стрельбой зенитных батарей.

На испытаниях присутствовали командующий ВВС генерал А. А. Новиков и нарком авиационной промышленности А. И. Шахурин.

1942-ой – год стал годом подведения первых итогов научных исследований В.Н. Челомея в области пульсирующих воздушно-реактивных двигателей.

Подобный самолет-снаряд Фау-1 был использован Германией в 1944 году для разрушения столицы Англии Лондона. Но немцы не смогли до конца преодолеть в Фау-1 двигательные вибрации. Поэтому и результаты бомбардировок Лондона этим самолетом-снарядом были не такими, на которые рассчитывали фашисты.

Молодой конструктор Челомей был назначен главным конструктором и директором завода, которым до того руководил прославленный «король истребителей» Н. Н. Поликарпов. В последние годы жизнь у Героя Социалистического Труда Николая Николаевича Поликар-

пова была тяжелой. Долго болел. Новый истребитель вывести в лет не удавалось. Умер Николай Николаевич 30 июля 1944 года.

В 1944 году новому главному конструктору Челомею было тридцать лет. Его характер был нелегим. Был случай, когда ему помешал в ангаре трофейный самолет. Челомей, не долго думая, выкатил его прочь из своего заводского ангара. Но трофей оказался Туполевским. Туполев, взбешенный, позвонил Сталину. Сталин осведомился, сколько лет дерзкому негодяю. Когда узнал, что негодяй – это тридцатилетний Челомей, Иосиф Виссарионович рассмеялся. Тем дело и кончилось.

В 44-м Челомей приступил на основе пульсирующего двигателя к созданию первой советской крылатой ракеты.

В марте 1945 года Челомей был вызван на совещание в Комитет обороны: решался вопрос о применении самолета-снаряда, то есть крылатой ракеты. У нее было название 10X, то есть десятая модификация неизвестного оружия.

У американцев не было ничего подобного. У немцев был самолет-снаряд Фау-1. Но не доработанный.

Впереди был год до того дня, когда на захваченный войсками союзников полигон Пенемюнде прилетит Королева, чтобы разобраться в сущности Фау-2.

В 1945 году американцы же загробастуют Вернера фон Брауна. Есть сплетня, что Браун с перевязанной сломанной рукой был уже в наших руках. Но он не вызвал интереса у наших красноармейцев. Вернер фон Браун доковывлял до американцев. Как может измениться ход истории из-за одного непредвиденного случая!

Но вернемся к совещанию у Сталина по поводу применения 10X. Сталину доложили, что у нас уже есть 10X, а у немцев подобный же Фау-1, но с изъянами.

Вот тогда-то Берия и задал каверзный вопрос:

– Так кто же – у кого?

Очевидно, имелось в виду, кто у кого украл идею? Неужели фашисты у нас?

Челомей дерзко ответил:

– То, что я не мог заимствовать, это очевидно. Ну а могли ли немцы у меня – это вопрос к вам, Лаврентий Павлович!

Далее вопрос задал Сталин о том, что возможно ли применение 10X уже сейчас? Конструктор дал твердо отрицательный ответ, отметив, что неудовлетворительная точность попадания самолета-снаряда не даст возможности избежать жертв среди мирного населения.

Будь ответ другим, иными словами, овладей на мгновение у конструктора амбиции, ужас бомбардировки американской авиацией Дрездена был бы нами превзойден весной 1945 года.

Так хранила судьба будущего Генерального конструктора ракет. Многого ему предстояло в будущем пережить, прежде чем им был создан всемирно известный носитель «Протон».

И далее с самолетом-снарядом, то есть с крылатой ракетой, не все было просто. Новиков и Шахурин, поддерживавшие Челомея, были арестованы по обвинению в поставках фронту неисправных «Яков» и «Илов». И все потому, что сын вождя Василий Иосифович Сталин во время встречи с отцом похвалил американские самолеты!.. Известно, что арестованного Новикова принуждали дать показания даже против маршала Жукова.

Два профессиональных руководителя авиационной промышленности ждали освобождения вплоть до смерти Сталина.

Но Челомей не пал духом. В 1951 году защитил докторскую диссертацию.

В 1953 году в Капустинном Яру шло очередное испытание 10X. Но в это же время Сталину доложили военные, что крылатая ракета во многом уступает баллистическим ракетам. За десять дней до смерти, Сталин подписал постановление Совмина о ликвидации ряда предприятий, связанных с созданием 10X. В черном списке была и «фирма» Челомея. После смерти

И.В. Сталина в руководстве страной было не до крылатой ракеты. Но все же нашлись люди, которые решили отлучить Челомея от своего любимого дела.

Небольшая конструкторская группа, оставшаяся у Челомея, разместилась в Тушино и упрямо продолжала свое дело – занималась работами по уменьшению направляющих, по которым стартовали 10Х (направляющие были уменьшены с 30 до 7 метров).

Челомей не смирился, пытался попасть на прием к Берия, что того изумило.

Наконец, Челомей нашел заинтересованную его крылатой ракетой организацию. Владимир Николаевич лично предложил руководителю военно-морского флота идею перевооружения флота и оснащения крылатыми ракетами. С этого дня был положен отсчет новейшей истории ВМФ.

Летом 1955 года опальному конструктору позвонил М.В. Келдыш:

– Принято решение о создании крупного предприятия для реализации ваших предложений, выделено место для строительства.

Так на окраине Москвы началась «фирма Челомея».

Едва встав на ноги, она начала заниматься проектированием.

Далее совсем коротко: членом-корреспондентом Академии Наук СССР Владимир Николаевич стал в 1958-ом году, Генеральным конструктором в 1959-ом, академиком в 1962 году.

9. Реактивщик И.Т. Клейменов

Иван Терентьевич Клейменов – личность интереснейшая. Она была известна многие годы тем, что Иван Терентьевич был расстрелян 10 января 1938 года как немецкий шпион, продавший фашистам секреты советского Реактивного Научно-Исследовательского института. В наше время произошедшее тогда в РНИИ послужило причиной для многочисленных публикаций в средствах массовой информации. В них их авторы упирают на гнусность Сталина. Однако, те события конца тридцатых годов в РНИИ были гораздо сложнее, чем упрощенной представлением о них антисталинистов.

Иван Терентьевич Клейменов родился в селе Старая Сурава Усманского уезда Тамбовской губернии (ныне Липецкая область) 11 апреля 1898 года. Он окончил сельскую церковно-приходскую школу. По ходатайству учителя и сельского священника 2 декабря 1913 года он поступил в четвертый класс Моршанской мужской гимназии. В 1918 закончил полный восьмиклассный курс, при чем сдал все экзамены (за исключением русского и немецкого языков – на хорошо) на отлично. С шестого класса гимназии Ваня стал зарабатывать на обучение, помогая отстающим ученикам. Уже в школьные годы мечтал стать артиллеристом. В это время он увлекся занятиями в литературно-политическом кружке, собиравшемся на квартире большевиков Левицких. В этом кружке он познал азы коммунизма.

В 1918 году Иван уехал в Москву и поступил на Лефортовские артиллерийские курсы. В этом же году весь курс добровольно ушел на фронт. За несколько дней до отъезда он женился на дочери Левицких Маргарите Константиновне, переехавшей вместе с семьей в Москву в том же году.

В разных источниках приводятся не совпадающие друг с другом сведения о дальнейшей жизни И.Т. Клейменова. Поэтому привожу сведения о нем, опубликованные историком А.В. Глушко (сыном Валентина Петровича Глушко).

И.Т. Клейменов служил в 3-й Армии Восточного фронта, где в 1919 году вступил в РКП(б). В 1920 году И.Т. Клейменов был откомандирован на учебу в Москву в академию по снабжению Красной Армии. Окончил ускоренный курс и был отправлен на Юго-Западный фронт, где служил уполномоченным по снабжению 14-ой Армии.

После окончания Гражданской войны юношеская мечта стать артиллеристом привела его в Московский государственный университет. 21 января 1921 года написал заявление и был принят на первый курс физико-математического факультета.

Одновременно с учебой работал во Внешторге, выезжал в командировку в Финляндию. Не исключено, что командировка была связана с военными поручениями.

В 1923 году, по распоряжению М.В. Фрунзе несколько студентов, в том числе и И.Т. Клейменов, были переведены из МГУ в различные военно-учебные заведения. И.Т. Клейменова зачислили на учебу в Военно-воздушную инженерную академию им. Н.Е. Жуковского. Окончив академию в 1928 году, получил диплом инженера-механика по обслуживанию самолетов.

Вот здесь и начинается самый загадочный период в жизни Ивана Терентьевича

С дипломом около года проработал в одном из НИИ ВВС в Москве, а затем был командирован одним из Управлений Наркомата Обороны на работу в Германию. Каким Управлением и с каким заданием? Не с заданием ли военных разведывательных органов СССР?

В начале 1929 г. руководство предложило И.Т. Клейменову перевести в Берлин свою семью.

В Берлине Клейменов был зарегистрирован старшим инженером инженерного отдела Советского торгпредства в Германии, а затем заместителем начальника того же отдела. Изучил немецкий язык в такой степени, что немцы стали принимать Ивана Терентьевича за своего. По

делам отдела и не только отдела ему приходилось выезжать в другие города Германии и разные страны Европы. Например, выезжал в командировку опять же в Финляндию.

Встречи с немецкими специалистами позволили ему быть в курсе новейших технических достижений немцев. Тогда он основательно изучил изданные в Берлине труды одного из основоположников ракетной техники Германа Оберта. По некоторым сведениям не только с ним переписывался, но даже и встречался с ним.

Не исключено, что Герман Оберт, завороженный интересом к его личности представителем СССР, рассказывал ему о ракетной деятельности Вальтера Дорнбергера, ведь в то время между СССР и Германией были прекрасные экономические, технические и военные взаимоотношения. Возможно, были и секретные встречи с Дорнбергером.

Учитывая выше приведенные мои предположения о связях Клейменова с немецкими энтузиастами реактивного движения, можно не удивляться тому, что в мае 1932 г., после возвращения в Москву, начальник Артиллерийского Управления РККА Н.А.Ефимов предложил И.Т. Клейменову занять в Ленинграде должность начальника Газодинамической лаборатории (ГДЛ). Ее целью были исследования в области создания реактивных двигателей для снарядов и ракет. Перед Иваном Терентьевичем была поставлена задача – преобразовать эту лабораторию в институт. И.Т. Клейменов с энтузиазмом взялся за порученное дело.

Инициатором создания такого института был Маршал Советского Союза, 1-й заместитель наркома обороны СССР М. Н. Тухачевский.

Еще в конце двадцатых и в начале тридцатых годов, неоднократно будучи в Германии и контактируя с представителями немецкого Генерального штаба, М.Н. Тухачевский, конечно, пришел к выводу, что необходимо создавать ракетостроение и в СССР. Начинать надо было бы с организации института по этой тематике.

21 сентября 1933 г. М.Н. Тухачевский подписал приказ о создании в Москве в системе РККА Реактивного научно-исследовательского института на базе ленинградской ГДЛ и московской МосГИРД. Приказом М.Н. Тухачевского начальником института был назначен, конечно, знакомый с немецкими ракетными усилиями И.Т. Клейменов. Его заместителем стал начальник московской Группы изучения реактивного движения С.П. Королев, заместителем директора по научной части и главным инженером – ленинградец Г.Э. Лангемак, начальником сектора выходец из ленинградской Газодинамической лаборатории В.П. Глушко. Собрался коллектив энтузиастов реактивного движения.

10. Реактивный НИИ – для будущих вооруженных сил СССР

Реактивный научно-исследовательский институт не мог развиваться, не используя идеи К.Э. Циолковского. По предложению И.Т. Клейменова он был избран почетным членом Ученого Совета института.

Иван Терентьевич вел активную переписку с Константином Эдуардовичем. В феврале 1934 г. И.Т. Клейменов посетил К.Э. Циолковского в Калуге. Тогда же Константин Эдуардович подарил ему 23 своих книжки, изданных в Калуге в 1927–1932 гг.

Переписка И.Т. Клейменова с К.Э. Циолковским отражена во многих изданиях, посвященных ракетостроителям. Она характеризует личность Ивана Терентьевича и всего РНИИ. Поэтому читателям интересно было бы ознакомиться с ней, если бы не полностью, но хотя бы с одним из писем.

Письмо от 31 мая 1935 года:

«И.Т. Клейменову – от Циолковского.

Дорогой Иван Терентьевич, благодарю Вас за в. милое письмо. Только и надежды на таких людей, как Вы... Благодарю членов Института за избрание поч. членом техн. Совета. Привет и поздравления тов. Лангемаку с успешно оконченной прекрасной работой.

Я очень нехорошо хвораю, хотя на ногах и по-прежнему провожу утро в работе, даже без выходных дней...

Привет Вам и сотрудникам Института. О моей болезни прошу никому не говорить, даже мне».

«Прекрасная работа Лангемака» – это только что вышедшая в свет в Главном издательстве авиационной литературы книга Г.Э. Лангемака и В.П. Глушко «Ракеты: их устройство и применение». Она предназначалась для слушателей военных академий. Книга была праздником для всего института. Все, что вызрело за годы творческой деятельности двух выдающихся ученых из РНИИ, нашло, наконец, достойный исход на страницах книги.

В 1933–1934 годах в Военно-воздушной академии имени Н.Е. Жуковского были прочитаны начальником сектора РНИИ В.П. Глушко два курса лекций "Жидкое топливо ракетных двигателей". В 1935 г. параллельно с работой в РНИИ В.П. Глушко был заведующим и преподавателем Реактивных курсов по переквалификации инженеров при Центральном совете Осоавиахима. В марте 1936 года была опубликована работа В.П.Глушко "Жидкое ракетное топливо для реактивных двигателей (курс лекций)".

В 1936 году В.П. Глушко был назначен руководством РНИИ главным конструктором жидкостных реактивных двигателей ЖРД.

В это время С.П. Королев разрабатывал ракетоплан РП-318 и крылатую ракету 212. Для королевских ракетоплана и крылатой ракеты Валентин Петрович спроектировал ЖРД ОРМ-65.

5 ноября 1936 года были проведены официальные стендовые испытания этого ЖРД ОРМ-65 тягой до 175 кг на азотнокислотно-керосиновом топливе.

16 декабря 1936 года было проведено первое огневое наземное испытание ЖРД ОРМ-65 на самом ракетоплане РП-318 конструкции С.П.Королева.

27 августа 1937 года проведены официальные стендовые испытания первого отечественного газогенератора ГГ-1, работавшего на азотной кислоте и керосине со впрыском воды. В 1937 году Валентином Петровичем было опубликовано 7 статей в сборниках научных работ РНИИ "Ракетная техника".

В это же время И.Т. Клейменов, В.А. Артемьев и Г.Э. Лангемак продолжили начатые в Ленинграде разработки реактивных снарядов РС-82мм и РС-132мм на бездымном порохе для самолётов и многоствольных миномётов.

К середине 1937 года эти работы практически были завершены. Когда началась Великая отечественная война, многоствольные минометы были сданы продолжателями дела И.Т. Клейменова, В. А. Артемьева и Г.Э. Лангемака в производство. Реактивный миномет получил название «Катюша».

В эти тридцатые годы Г. Э. Лангемак вёл переписку с К. Э. Циолковским, размышляя и о не военном применении ракет, о возможности их использования в космонавтике. Сам русский термин «космонавтика» ввёл в научное и техническое обращение именно Г. Э. Лангемак.

В марте 1937 году приказом по НК ОП И.Т. Клейменов, его заместитель Г.Э. Лангемак, ряд ведущих инженеров и лучших работников института за выдающиеся достижения в деле разработки новых образцов вооружения РККА, то есть за создание реактивных снарядов РС-82 и РС-132, были награждены большими денежными премиями. А летом 1937 года И.Т. Клейменов и Г.Э. Лангемак были представлены к награждению орденами.

11. Расстрел Тухачевского

Если ракетостроители СССР были заняты «по горло» разработками реактивных снарядов, ракетоплана, крылатой ракеты, жидкостных реактивных двигателей, то руководство страны погрязло в отстаивании групповых интересов.

Уже несколько лет зрело противостояние в командных кругах Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Оно обострилось в мае 1936 г. Противники Ворошилова ставили перед Сталиным вопрос о замене Ворошилова на посту наркома из-за его некомпетентности в ряде новейших тактических и стратегических разработок. Но чтобы сместить Ворошилова, надо было привлечь на свою сторону Сталина. Тухачевский и его группа в борьбе за влияние на Сталина попались на сталинский крючок. Во время частых встреч со Сталиным Тухачевский критиковал Ворошилова, Сталин поощрял эту критику, называя ее «конструктивной», и любил обсуждать варианты новых назначений и смещений... Тухачевский намекал Сталину о своих планах перетасовок в военном руководстве страны.

Они могли бы стать реальностью, но на них наложилась борьба Сталина со сторонниками Л.Д. Троцкого в руководящем составе РККА. Кроме того Сталину надо было найти «козлов отпущения» за другие свои собственные ошибки в государственных преобразованиях. Примером может быть скороспелая коллективизация среди крестьянства. Если Сталин мог поправить ее ошибки своей статьей «Головокружение от успехов» в газете «Правда» (2 марта 1930 года), то борьба с троцкизмом в военной среде, по его мнению, должна была быть закончена объявлением троцкизма вражеской сущностью и полным его искоренением. На троцкизм было свалено убийство Кирова 1 декабря 1934 года.

И Ворошилов не дремал. Может быть он был не выдающимся военным стратегом, но в подковерных играх преуспел, расхваливая выдающегося руководителя страны И.В. Сталина на всевозможных конференциях и съездах. Особенно постарался Ворошилов на очередном съезде ВЛКСМ.

Зная о возникшей военной оппозиции против Ворошилова, Сталин принял сторону абсолютно преданного ему Ворошилова. Уже в августе 1936 года последовали первые аресты военачальников в рамках «большой чистки» в вооружённых силах. Были арестованы комкоры В. М. Примаков и В. К. Путна. 10 мая 1937 года Тухачевский был переведен с поста первого заместителя наркома обороны на должность командующего войсками Приволжского военного округа. 22 мая он был арестован в Куйбышеве, 24 мая перевезён в Москву, 26 мая после очных ставок с Примаковым, Путной и Фельдманом дал первые признательные показания (ВИКИПЕДИЯ).

По одной из версий обвинения в адрес Тухачевского были основаны на частично сфабрикованной нацистскими спецслужбами и переданной Сталину через президента Чехословакии Бенеша «красной папке» с доказательствами конспиративных контактов Тухачевского с германским Генштабом. Упоминание об этом присутствует в книге Дугласа Грегори «Шеф гестапо Генрих Мюллер. Вербовочные беседы».

На встрече с Бенешем погорел и Чрезвычайный и полномочный посол СССР в Чехословакии С.С. Александровский. О нем будет рассказано в одной из следующих глав этой книги.

Один из подручных Гитлера Шелленберг также упоминает о передаче компромата на Тухачевского, говоря о том, что сфабриковано в нем было совсем немного (все документы были подготовлены за 4 дня).

Высказывается еще одна версия о том, что компромат на Тухачевского был организован самим Сталиным с двойной целью – ослабить германский генеральный штаб и получить повод для борьбы с Тухачевским «со стороны», то есть как со шпионом. Последнюю версию попытался опровергнуть бывший один из руководителей ОГПУ, он же генерал-лейтенант

МВД СССР П.А. Судоплатов в своей книге воспоминаний «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы»:

«Уголовное дело против Тухачевского целиком основывалось на его собственных признаниях, и какие бы то ни было ссылки на конкретные инкриминирующие факты, полученные из-за рубежа, начисто отсутствовали. Если бы такие документы существовали, то я как заместитель начальника разведки, курировавший накануне войны и немецкое направление, наверняка видел бы их или знал об их существовании».

«...Основывалось на его собственных признаниях...» – так в чем же сознался после пыток Тухачевский? В том, что создал никчемный, не нужный СССР Реактивный НИИ, чтобы ослабить мощь Советского Союза?

И все же вопрос о выдвинутых против Тухачевского обвинениях остается открытым. Тем более, что есть воспоминания партизан Белоруссии о том, что вызволенный ими из фашистского плена посол СССР в Чехословакии С.С. Александровский поведал им, что в 1937 году он передал в Москву полученные им от президента Чехословакии Бенеша документы, компрометирующие Тухачевского в связях с генеральным штабом фашистской Германии. Не из-за них ли вызволенный из фашистского плена бывший посол в Чехословакии Сергей Сергеевич Александровский был обвинен в шпионаже в пользу Германии и был расстрелян 4 августа 1945 года?

Логика в этих версиях мало. Но так работал в то время расстрельный механизм. А в это время Советский Союз семимильными шагами приближался в Отечественной войне

12. Недальновидиный разгром ракетостроения в СССР

1937 год вошел в историю советской реактивной техники, как год ее погребения. В то время, когда в Германии Дорнбергер и фон Браун шаг за шагом приближались к тому, чтобы их ракетный проект обрел зримые черты, детище М.Н. Тухачевского Реактивный Научно-Исследовательский Институт практически был обезглавлен. Первой жертвой в РНИИ был его начальник И.Т. Клейменов. Он был арестован 2 ноября 1937 года. Иван Терентьевич не знал, что в тот же день арестовали главного инженера РНИИ Г.Э. Лангемака.

Ивану Терентьевичу было предъявлено обвинение в шпионаже в пользу Германии.

– Какая глупость! – воскликнул Клейменов. – Где доказательства?

Следователь предъявил ему показания арестованного 2 октября 1937 года бывшего наркома внешней торговли СССР, а на момент ареста заместителя председателя Станкоимпорта Наркомвнешторга СССР Аркадия Павловича Розенгольца: во время работы в Берлине Клейменов неоднократно встречался с иностранцем Германом Обертом и передавал ему секретные сведения о военном потенциале СССР.

На листке с показаниями Клейменов увидел бурое пятно. Мелькнула мысль: «Не выдержал истязаний Аркадий Павлович!». И тут же на Ивана Терентьевича обрушились кровавые удары следователя...

– Будешь отпираться? Вот тебе еще доказательства! – удары в ухо, в челюсть...

Так ли это было или было еще страшнее? Узнать подробности допросов нынче можно с превеликим трудом, так как многие арестанты оставались верными членами партии и признавались в наветах, если следователь говорил, что так нужно партии. Как рассказывал позже Ворошилов на заседании Президиума ЦК ВКП(б), перед расстрелом Тухачевский воскликнул «Да здравствует Сталин!».

В это же время истязали Г.Э. Лангемака.

14 ноября 1937 Георгий Эрикович не выдержал побоев и подал заявление Н. И. Ежову о том, что «решил отказаться от своего никчемного заперательства» и назвал участниками «антисоветской организации» в РНИИ его директора И. Т. Клейменова и инженеров – реактивщиков С. П. Королёва и В. П. Глушко.

И.Т. Клейменов был расстрелян 10 января 1938 года. Г.Э. Лангемак – 11 января 1938 года. Расстрел санкционировали Жданов, Молотов, Каганович, Ворошилов.

Главари оппозиции против Ворошилова были уничтожены. Но остались в застенках ее «рядовые бойцы».

Кто они? Как они вели себя на допросах? Вытерпели ли побои и увечья? Не сломлен ли был их дух? Не иссякло ли их мужество после истязаний?

Меня, как ракетостроителя и журналиста, интересовало следующее – как проявили себя арестованные творцы ракет в застенках Лубянки? Почему именно это заставляло меня вести поиски? Слишком много кривотолков о главных конструкторах мне пришлось услышать за всю мою трудовую деятельность на поприще создания ракет.

Об арестах и о лагерях опубликовано много книг, очерков, воспоминаний. Ответ на этот вопрос я нашел в очерке Клары Павловны Скопиной «Загадочный Петрович». Он был опубликован в девятом номере журнала «Смена» за 1995 год. То, что другие обходили стороной, она выложила на страницах журнала: письма заключенных из застенков НКВД в разные правительственные инстанции с требованием их освободить, потому что они оболганы своими же коллегами. Поэтому арестованные отказываются от своих признательных показаний и требуют дать возможность трудиться на благо Родины.

Именно эти письма раскрывают неприспособленческую человеческую натуру их авторов. Но именно это заставило их родственников принять в штыки публикации Клары Скопиной.

Например, сын Валентина Петровича Глушко Александр заявил, что К. Скопина проникла незаконно в Центральный Архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации без согласия родственников В.П. Глушко, И.Т. Клейменова и Г.Э. Лангемака, незаконно ознакомилась с их архивно-следственными делами, заполучила копии документов.

У меня сразу же возник вопрос: что, следственные дела выдающихся ракетостроителей – собственность их родственников? И никто другой не может ими воспользоваться? Может быть, по этому публикации о них такие однобокие, не отражающие все жизненные коллизии, которые ими претерпевались?

13. Сотрудники рнии ищут в своих рядах врагов народа

Что из себя представляло в тридцатые годы внутреннее состояние РНИИ, можно представить из доклада «ИЗ ИСТОРИИ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАЗВИТИЯ РАКЕТНО-КОСМИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ В СССР», прочитанного в Москве в Колонном зале Дома Союзов 26 января 1988 года на «XII Королевских научных чтениях по космонавтике» дважды Героем Социалистического Труда В.П. Глушко.

Читатели, познакомившись с докладом, окупнуться в то удивительное время, когда шла индустриализация страны и совершенствовалась ее оборона:

««Дорогие товарищи, мой доклад посвящается памяти трех выдающихся талантливых советских инженеров, внесших существенный вклад в развитие советского ракетостроения... На базе (Ленинградской – автор) Газодинамической лаборатории и Московского ГИРДа осенью 1933 года был создан Реактивный научно-исследовательский институт. Совершенствование ракетных снарядов продолжалось в Реактивном научно-исследовательском институте теми же бывшими сотрудниками ГДЛ с привлечением новых сил под техническим руководством Георгия Эриховича Лангемака с творческим участием Ивана Терентьевича Клейменова. Осенью 1937 года были успешно проведены самолетные испытания ракетных снарядов двух калибров, и вслед за этим в конце того же 1937 года Лангемак и Клейменов были арестованы как враги народа.

Вернемся несколько назад. Работа в (Ленинградской – автор) Газодинамической лаборатории велась в деловой, дружеской, творческой обстановке. Атмосфера там была самая благоприятная для работы. Была взаимная помощь там, где это необходимо, и взаимное уважение. Когда был организован Реактивный научно-исследовательский институт на базе ГДЛ и МосГИРДа обстановка существенно изменилась. Еще до этого объединения, до организации РНИИ в МосГИРДе была сложная обстановка, точнее говоря, нездоровая. Ну, сами посудите, когда ракета 09 конструкции Михаила Клавдиевича Тихонравова была готова к пуску, руководство МосГИРДа (председатель Технического Совета – С.П. Королев, члены Технического Совета – Н.И. Ефремов, Н.А. Железняков, Л.К. Корнеев, Ю.А. Победоносцев, М.К. Тихонравов, Ф.А. Цандер, А.В. Чесалов, Е.С. Щетинков – автор) отправило в отпуск Тихонравова. И когда он уехал, без него производился пуск этой ракеты. С шестой попытки он удался, но был аварийным, но главное то, что это был первый пуск. Но без Тихонравова. Когда двигатель Цандера был подготовлен к огневому испытанию, Цандер был отправлен тоже в отпуск в Кировск, и без него производили запуск этого двигателя и, надо сказать, что неуспешно.

Супруга Цандера писала Сергею Павловичу Королеву письма, и в более высокие инстанции, с жалобой.

Ну, вот объединили МосГИРД с ГДЛ. Начальником РНИИ был назначен бывший начальник Газодинамической лаборатории Клейменов, а его заместителем бывший начальник МосГИРДа Королев. Это было осенью, в конце сентября 1933 года. Но обстановка в РНИИ осложнилась при этом альянсе настолько, что Сергея Павловича Королева в ЦК вызывал Куйбышев и предупреждал, что если это не будет прекращено, то что там начало происходить, то он будет освобожден и от должности и исключен из рядов армии. Ведь при назначении он тоже получил два ромба.

Однако это не помогло, и в январе 1934 года Сергей Павлович был снят с должности и назначен начальником отдела по разработке крылатых ракет, а заместителем начальника института и одновременно главным инженером был назначен Лангемак.

Часть мосгирдовцев во главе с Корнеевым вышла из состава РНИИ и сначала как отдельная группа, а потом в качестве КБ-7 взялась за самостоятельную разработку жидкостной ракеты. Как проводилась работа Корнеевым, его группой? Неоднократно проверялась из-за

тревожных сведений о неблагополучии, проверялась официальной комиссией Министерства обороны. Последняя комиссия из инспекции Народного комиссариата обороны (не Министерства обороны, как я сказал ранее) провела очередную проверку, итоги которой я не буду зачитывать. Это неприятный акт, что там было обнаружено. Я только зачитаю выводы комиссии: «Состояние работ КБ-7 неудовлетворительное. Должное руководство со стороны Корнеева отсутствовало. Налицо преступная халатность и сплошное очковтирательство. Предложения: Немедленно Корнеева с руководства КБ-7 снять и дело передать прокурору для привлечения его к судебной ответственности». Из архивного документа, хранящегося в архиве ЦДСА.

А тут подошла девятая мутная кровавая волна репрессий во время периода преступного культа личности. В РНИИ возглавил эту борьбу с врагами народа инженер Костиков. Теперь он нашел активную поддержку со стороны мосгирдовцев.

Конкретно я буду говорить только о тех доносах, которые я лично читал, которые были написаны на меня. Трижды писал доносы бывший мосгирдовец работавший в РНИИ Душкин, он работал, работает и сейчас профессором в Московском авиационном институте. Трижды писал на меня донос, что я враг народа. Но, правда, это ему не помешало после моего освобождения обратиться ко мне с просьбой, чтобы я поддержал присуждение ему докторской степени по техническим наукам без защиты диссертации.

Кроме Душкина на меня писал донос, кто бы вы подумали, Тихонравов Михаил Клавдиевич. Своим крупным подчерком на всю страницу он расписал какой я враг народа. Я не буду называть еще фамилии некоторых мосгирдовцев, ни к чему это. Но я это для того говорю, чтобы вы поняли обстановку. Писали они не только на меня.

Ну вот, преуспел с такой помощью и поддержкой Костиков в своей работе по очистке от врагов народа Реактивного научно-исследовательского института. После, вы знаете, что когда началась война, то с огромным успехом на фронтах стали использоваться эти РСы (реактивные снаряды – автор), разработанные в основе своей в Газодинамической лаборатории, доработанные до совершенства в РНИИ, и они сыграли значительную роль в разгроме фашистской Германии...»

Итак, нашла коса на камень! Мосгирдовцы стали громить гдловцев, воспользовавшись третьей волной репрессий. Но не только уничтожение противников – гдловцев входило в их планы. Был в среде мосгирдовцев один субъект, планы которого были грандиозными для себя лично.

Вы ознакомились с воспоминаниями бывшего репрессированного В.П. Глушко. Теперь ознакомьтесь с деятельностью его клеветника. Его рассекреченные доносы в партком РНИИ, то есть в НКВД, опубликовала Клара Скопина («Загадочный Петрович», Москва, журнал «Смена», № 9, 1995 г.):

«В партком ВКП(б) НИИ № 3 (так переименовали РНИИ после расстрела Тухучевского – автор)

ЗАЯВЛЕНИЕ От члена ВКП(б) с 1922 года,
Членский билет № 0050652...

Раскрытие контрреволюционной троцкистской диверсионной вредительской шайки, их методов и тактики настойчиво требует от нас вновь еще глубже присмотреться к нашей работе, к людям, возглавляющим и работающим на том или ином участке Ин-та.

Конкретно я не могу указать на людей и привести факты, которые давали бы достаточное количество прямых улик, но, по моему мнению, мы имеем ряд симптомов, которые внушают подозрения и навязчиво вселяют мысль, что у нас не все обстоит благополучно...

...Начну по порядку и с более известных мне участков работы, ракеты на жидком топливе.

Эти вопросы имеют уже большую давность, но результаты настолько мизерны, что трудно поверить, чтобы люди, технически грамотные и преданные, могли до сих пор упорно топтаться на месте... Вокруг работ Глушко в прошлом и даже теперь создана большая шумиха. Этот человек и в ГДЛ, и в институте расценивается со стороны дирекции очень высоко. Достаточно указать, что Глушко все время получает высокую персональную ставку и в прошлом даже состоял на Инснабе (индивидуальное снабжение продуктами и промышленными товарами персональных личностей – автор)...

...В течение 1932 – 33–34 и даже 35 работа велась, по-моему, кустарно... Фактически никаких успехов не было, были организованы, возможно, случайно, удачные демонстрации двигателя, а на этой основе, по-моему, близкие ему люди в лице Клейменова – Лангемака окружали его ореолом славы... В когда во второй половине 1935 года приступили к испытаниям, то практически не было ни одного, которое не сопровождалось взрывом...

В 1936 году взрывов не повторялось. В декабре Глушко предъявил к сдаче двигатель объекта 202, который удовлетворял техническим требованиям, предъявляемым Заказчиком (внутренним – группа Королева). Были произведены сдаточные испытания, и двигатель был принят. Глушко был премирован дирекцией, дирекция разразилась приказом, в котором двигатель был назван именем Глушко, и выступили с ходатайством перед Наркомом о награде Глушко...

Таким образом, резюмируя изложенное, нужно сказать, что двигатель внушает большие подозрения и не может быть использован на объекте...».

Как уже известно читателям, в 1934 и 1935 годах Валентин Петрович Глушко разрабатывал реактивный двигатель для ракетоплана и крылатой ракеты группы С.П. Королева (объект 202 и 212). Проектирование и ракетоплана, и крылатой ракеты было доведено до этапа их испытаний. Отказов двигателей при этом не было. Конечно и читателям, и мне совершенно непонятно из заявления в партком РНИИ заявителя, почему двигатель вызывает большие подозрения и почему не может быть использован на объектах?

Но продолжим чтение заявления. Подчеркну, что оно было написано на многих страницах.

«...Рассмотрим работу на ракетах. При организации института в 1934 году было создано два сектора, один занимался бескрылыми ракетами, второй – крылатыми. Я после окончания ВВА (Воено-Воздушной Академии – автор) был назначен в 1933 г., в ноябре, сначала в ГИРД, а потом в Институт. В институте я был назначен инженером в ракетный сектор (С.П. Королева – автор)... В 1934 году по бескрылым ракетам были взяты обязательства изготовить объект для вооружения, как говорили, на суше и на море с дальностью 60 км с 1/100 дистанции попадания и сокрушительной силы действия... Мои первые примеры в этом направлении убедили меня в том, что это абсурдное мероприятие... Я подошел к Клейменову и сообщил свою точку зрения. Он пришел в сектор, выслушал меня, посмотрел полученные траектории полета и заявил: «Все это происходит потому, что вы, друг мой, зеленый еще»... В конце 1934 года в план работ на 1935 год был внесен тот же пункт: ракета на жидком топливе дальнего действия и т. п. Я восстал против этого пункта, но на техсовете меня никто не поддержал».

Нам, ракетостроителям из ракетно-космического Конструкторского Бюро «Южное», читать эту часть заявления особенно грустно и удивительно, потому что вот уже как шестьдесят лет мы только тем и занимались вместе с многочисленными КБ, НИИ, заводами, что создавали ракеты на жидком топливе дальнего действия и тем помогли отстоять независимость нашей Родины. Неужели такой темный, без мозговых извилин в ракетной науке, с позволения сказать инженер мог в то время вершить суд над РНИИ? И все же, как вы узнаете позже, мозговые извилины у него были, только работали в другом, карьерном направлении. Против кого навестрился заявитель? Оказывается, не только против В.П. Глушко, но и против своего бывшего непосредственного начальника Сергея Павловича Королева. Он возглавлял ракетный сектор.

«...Пункт о бескрылых ракетах дальнего действия не был снят.

Тогда Хованский, Яновский и я написали наркому тяжелой промышленности тов. Орджоникидзе, где вскрывали сущность вопроса. Перед отправкой письма мы зашли в партком и зачитали письмо Секретарю парткома тов. Осипову. Последний пригласил Клейменова, который с шумом и криками «бузотеры» требовал вопроса о нас на парткоме.

...После этого пункт о ракетах дальнего действия был снят.

Я, будучи Председателем Бюро ИТС (Инженерно-Технического Службы – автор), организовал комиссию в составе 10 инженеров... для обследования состояния научно-исследовательской работы в институте, после обсуждения этого вопроса на техсовещании была вынесена резолюция (см. в делах). С этой резолюцией не согласился Клейменов и Осипов и председатель завкома Николаев (последний исключен из партии)... Я утверждаю, что в пр-ве была принята система абсолютно негодная, тормозящая развитие. Это тоже не случайный факт. Дайте мне все материалы, и я со всей очевидностью докажу фактами, что чья-то рука, возможно, по неопытности, тормозила работу и вводила государство в колоссальные убытки. В том, конечно, повинны Клейменов, Лангемак и Надеждин, в первую очередь. Повторяю, эти факты можно умножить беспрестанно, но сейчас я не в состоянии, а постараюсь изложить в следующем заявлении.

Чл. ВКП(б) А. К.»

Почему инженер Андрей Костиков подписал свое заявление инициалами? Вероятно, когда сочинял свое заявление, поджилки тряслись от страха – а если заявление прочтает кто-то из сотрудников института, разбирающихся в реактивном движении и ракетах? Или власть переменится?

В партком посыпались и другие доносы.

«...В отношении инженера Глушко Валентина Петровича мне известно со слов бывшего главного бухгалтера Ленинградского отдела РНИИ Вигдергауз Веры Семеновны, что он является племянником Тухачевского. Относительно его работы я как не специалист конкретно ничего сказать не могу, но знаю, что среди инженеров были разговоры, что Глушко начинает несколько работ и ничего не кончает. Инженер Минаев, который работал во втором отделе, которым руководил Глушко, говорил мне не раз, что тут дело не совсем чисто, он многое мог бы сказать, т. к. Минаев проводил опыты работы Глушко... 10.I.38 г. Баранова».

В НКВД доносы на специалистов – ракетостроителей поступали и ранее, они бережно складывались в папку и хранились многие годы, чтобы быть востребованными в 1938 году. Заявление гражданина А. Малого поступило в НКВД еще 17 марта 1931 года.

«На Глушко Валентина Петровича, научного сотрудника РККА следует обратить внимание, так как когда-то – а именно в 1923 году – была кем-то обкрадена в Одессе обсерватория, а в 1929–1930 годах еще была подделка счетов в техштабе, а дальше мне неизвестно. А еще следует обратить внимание, что его отец П.Л. Глушко, бывший офицер, бывший член Союза русского народа, в 30-м году снят с работы 2-й категории за сокрытие преступлений в жены. А мать три или четыре раза сидела в Доме принудительных работ в Одессе, была освобождена бывшим зятем, видным партработником, бросившим жену из-за ее собственных контрреволюционных высказываний...».

Все эти заявления напоминали сплетни базарных баб. Но в заявлении гражданина А. Малого появился очень интересный для нас, специалистов XXI века, сюжет.

Еще автор про между прочим сообщал: «работу Глушко хотел передать во Францию, о чем разговор шел с профессором Рискиным, но по моему настоянию... передал в Техштаб. А в разгар работы (по ракетному двигателю – автор) говорил, что при поездке за границу он передаст данные по работе профессору Оберту...».

Из этого откровения гражданина А. Малого следует, что уже в 1931 году В.П. Глушко был уже знаком с ракетно-космическими дерзаниями немецких специалистов. Так же как и И.Т. Клейменов.

В этом письме было еще много «наблюдений» А. Малого, разумеется, без доказательств. Закончил он письмо умопомрачительно: «...беспристрастное исследование его самого (то есть В.П. Глушко – автор) выявит контрреволюционера, вора, антисемита, пролазу... Я считаю необходимым установить за Глушко контроль...».

Не удосужился А. Малый сочинить кое что еще. Например, что Глушко – немецкий шпион, завербованный профессором Обертом. Или о том, что приказали Оберту завербовать Глушко немецкие разработчики ракет Дорнбергер и Вернер фон Браун. Вот если бы А. Малой только даже почувствовал бы возможность этой связи, то сочинил бы обязательно очередной пасквиль в НКВД.

Вот до чего доходила жизненная атмосфера в РНИИ и в СССР в то удивительное время! Но разве этому можно удивляться, ведь и в наше капиталистическое время кого то «завалить», то есть расстрелять, чтобы избавиться в политике или в корпорации от соперника, плевое дело. Одним словом, политическая систем в то время и политическая система в наше совершенно разные, но методы достижения целей одни и те же.

14. Поиск сотрудниками РНИИ в своих рядах врагов народа продолжается

В феврале 1938 года в РНИИ состоялось совещание, растянувшееся на много дней. «Наверное, на нем обсуждались технические проблемы создания реактивных снарядов?» – спросит читатель. Протокол совещания, разысканный Кларой Скопиной (материал «Загадочный Петрович», опубликованный в журнале «Смена», № 9 за 1995 год, Москва), беспристрастно свидетельствует о том, что на нем происходило.

Выступили инженеры Андрианов, Белов, Душкин, Шитов, Кочуев, Пойда, Шварц, Костиков. Вот о чем они говорили:

«Душкин: «Глушко был под большим покровительством врага народа Лангемака, что дает нам повод насторожиться. Оторванность от общественной жизни, что заставляет нас насторожиться... Глушко не выступал на собраниях, в печати об отношении к врагам народа Лангемаку и Клейменову. Отрыв Глушко от общественно-политической жизни, что не к лицу советскому инженеру... Мы должны поставить вопрос о Глушко со всей большевистской прямотой...»

Кочуев: «...Если Глушко не усмотрел вредителя Лангемака, он также может поддаться под влияние шпионов. Глушко надо бояться в оборонной промышленности».

Костиков: «Правильно ИТС (инженерно-техническая секция – примечание автора) выразил недоверие к Глушко. Для меня понятно: что, Глушко младенец по политическим вопросам... Глушко берет под сомнение в книге родину ракетной техники в СССР, указывает, что родиной ракетной техники является Германия... Свою работу он хотел передать во Францию, о чем имел разговор с проф. Роскиным, но по моему настоянию и, так как не было противодействующего мне влиянием родителей, передал в Техштаб, а в разгар работы говорил (о чем я узнал гораздо позже), что при поездке за границу он передаст данные профессору Оберту...».

Этому совещанию предшествовало расширенное заседание бюро ИТС РНИИ, состоявшееся 26 декабря 1937 года. На нем выступил с докладом инженер Андрианов. Его доклад был посвящен работе Глушко. Выводы были для Валентина Петровича как гром среди ясного неба, ведь за эту же работу он был премирован наркоматом и поощрен руководством РНИИ. Оказывается, тогда наркомат премировал сподвижника врагов народа Клейменова и Лангемака и тем наркомат проявил близорукость, не рассмотрев в Клейменове и Лангемаке врагов. Но в Клейменове и Лангемаке это узрел НКВД.

До 13 февраля в РНИИ шел сбор компроматов на реактивщиков. Основным сборщиком был сотрудник подразделения, разработывавшего бескрылые ракеты (то есть основу для современных межконтинентальных баллистических ракет – автор), Костиков.

В РНИИ складывалась такая же ситуация, как и наверху советской власти – та же борьба за должности с помощью компроматов, идеологических вывертов, психических атак, устранения оболганных.

13 февраля 1938 года началось многодневное заседание ИТС. На первом из них (13 февраля) началось обсуждение декабрьского доклада Андрианова на тему о работе инженера Глушко. Инженер Дудаков поднял злободневную тему – об отношениях и связи Глушко с вредителями Лангемаком и Клейменовым:

«Замечен тот факт, что Глушко воздержался от выступления на активе Института при обсуждении вопроса о вредительстве в Институте... Глушко лишь говорил, не выступая: «Должен признаться, что я Лангемаку до самого последнего момента верил и для меня было полной неожиданностью, что он оказался вредителем...», и не заклеил расстрелянных позором».

Совещание на этом не закончилось, так как надо было (по мнению его организаторов) добить окопавшихся в РНИИ зловредчиков до конца.

20 февраля 1938 года продолжились «прения». О них рассказано в начале главы. Была принята резолюция из шести пунктов и обжалованию она не подлежала.

Нанять адвоката, как принято в наше время, чтобы тот помог оправдать опороченного, тогда и в голову не приходило из-за того, что общее собрание ИТС РНИИ – это есть мнение РНИИ, а оно выше закона.

Собрание решило исключить Валентина Петровича Глушко – будущего покорителя космоса и создателя ракетного щита СССР – из Совета членов инженерно-технической секции РНИИ.

Это решение было передано парткомом РНИИ в райком ВКП(б), а им в НКВД, где было подшито в папку «Дело на Глушко В.П.», где уже скопилось множество «порочащих его документов». Например, такие доносы:

«Глушко и Клейменовым в 1933 году была организована опытно показательная работа в Москве. Для чего понадобились азотная кислота 92 процентов и жидкостный воспламенитель... Перед отходом поезда кислота стала испаряться, и они с ней засыпались. Поезд был задержан на 20 минут. Дело разбиралось в жел. дор. суде...».

Зачем НКВД этот донос, ведь за эту оплошность по приговору Линейного суда Октябрьской железной дороги от 20/ХІІ 1933 года Глушко заплатил штраф в 1000 рублей?

Ответ напрашивается сам собой, если прочитать высказывание одного из руководителей НКВД:

– А может быть в этом поезде мог бы ехать глава Ленинградского обкома и член ЦК ВКП(б) С.М. Киров? И тогда эта оплошность была бы преступлением.

Так что НКВД, по его мнению, предотвратил возможную преступную деятельность Глушко и Клейменова в 1933 году. Но как же не запомнить эту «возможность» на тот случай, что может произойти, например, лет через сто! Случай представился, но через пять лет, в мрачном 1938 году.

В это же мрачное время в РНИИ не могла не разыгаться трагедия и с Сергеем Павловичем Королевым, ведь без «врага народа» Глушко с его реактивным двигателем для ракеты и ракетоплана они, разработанные Королевым, не могли бы взлететь! В НКВД помнили народную мудрость «рука руку моет»! Знал о ней и Костиков, поэтому и стал дискредитировать Королева.

В газете Калужской области «Весть» об этом карьеристе был опубликован Юрием Зельниковым материал «Андрей Костиков: жизнь и судьба изобретателя «Катюши»:

«Андрей Григорьевич родился 30 октября 1899 г. на Украине, в г. Казатине Киевской губернии. Однако зарегистрирован был на родине родителей в с. Быстрое Мосальского уезда нашей области, ныне – с. Боровенск, там же крещен. Таким образом, он наш земляк. Его отец (умер в 1920 г.), выходец из крестьян, определенной профессии не имел и всю жизнь работал по найму чернорабочим, дворником, носильщиком, кочуя по России (Казатин, Киев, Москва, Петроград). Мать занималась домашним и сельским хозяйством (умерла в 1922 г.).

По воспоминаниям сестры, учеба давалась Андрею легко, он любил возиться с железками и постоянно что-то мастерил. Закончив 4 класса Быстровской сельской школы, с 1913 года Костиков обучался в Москве, в технической конторе инженера Межерицкого, на слесаря-водопроводчика. Затем, в 1914–1919 гг., работал подручным слесаря, слесарем на заводах Москвы, Петрограда, Киева. С 19 лет – доброволец Красной Армии. Принимал участие в боевых действиях против украинских повстанцев, в войне с Польшей. Был ранен в ногу. В августе 1920 года попал в плен к полякам, в апреле 1921 года бежал, поступил в РККА.

Обучался в 3-й Киевской военно-инженерной школе (1922 – 1926), которую окончил «первым по успеваемости», после чего служил в Нижнем Новгороде. Позднее окончил Военно-воздушную академию им. Н.Е. Жуковского «по авиационным двигателям и ракетной специальности» (1930 – 1933), то есть набрался кое каких ракетных знаний. После чего был направлен

инженером в Реактивный научно-исследовательский институт (РНИИ, впоследствии был преобразован в НИИ-3), работал в отделе баллистических ракет. С 1936 года – начальник отдела по разработке жидкостных ракет. В ноябре 1937 года был назначен исполняющим обязанности, а с сентября 1938-го, после ареста ряда ведущих сотрудников занял должность главного инженера института.

В 1939 году сотрудниками института под руководством Костикова была создана и прошла испытания первая в истории надежная наземная система залпового огня реактивными снарядами. 19 февраля 1940 г. сотрудники института А.Костиков, И. Гвай и представитель Главного артиллерийского управления РККА В. Аборенков получили авторское свидетельство на её изобретение, ставшее основой для разработки будущей знаменитой «катюши». 17 июня 1941 г. Костиков продемонстрировал членам политбюро, правительства страны и руководства министерства обороны СССР работу установки залпового огня (УЗО), базировавшейся на автомобиле. За день до начала войны, 21.06.1941 г., И. Сталин принял решение о развертывании серийного производства реактивных снарядов М-13 и пусковой установки БМ-13 (УЗО) и о начале формирования соответствующих войсковых частей. Уже 14.07.1941 г. секретное советское оружие (УЗО) приняло боевое крещение под Оршей под командованием капитана И. Флерова. Результаты были ошеломляющими. Двумя сериями залпов «Катюш» была полностью разрушена железнодорожная станция Орша и переправа через р. Оршица. С этого участка фронта гитлеровцы вывезли три эшелона убитых и раненых. Не менее важным было и огромное деморализующее психологическое воздействие ракетного оружия на врага.

28 июля 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издал два указа о награждении создателей «катюши». Первым указом «за выдающиеся заслуги в деле изобретения и конструирования одного из видов вооружения, поднимающего боевую мощь Красной Армии» Костикову было присвоено звание Героя Социалистического Труда (под несчастливым № 13). Вторым указом орденами и медалями были награждены еще 12 инженеров, конструкторов и техников, в том числе орденом Ленина – соавторы Костикова по изобретению – И. Гвай и В. Аборенков. 11 апреля 1942 г. Костиков получил Сталинскую премию I степени в размере 25 тыс. руб., которые сдал в фонд обороны. Конструктору было присвоено звание генерал-майора инженерно-авиационной службы. В марте 1943 года Костиков был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.

В личном листке по учету кадров академии в графе «основная специальность» он написал: «слесарь», а в графе «ученое звание» – «член-корреспондент АН СССР».

Прекрасная характеристика слесаря-академика Андрея Григорьевича Костикова! Но как же быть с его заявлением, сочиненным в начале 1937 года? Документа, впитавшего в себя целую эпоху. Этот документ уже процитирован мною в предыдущей главе, но ради дела следует напомнить читателям о нем:

«В партком ВКП(б) НИИ № 3 (так переименовали РНИИ после расстрела Тухчевского – автор)

ЗАЯВЛЕНИЕ От члена ВКП(б) с 1922 года,

Членский билет № 0050652...

Раскрытие контрреволюционной троцкистской диверсионной вредительской шайки, их методов и тактики настойчиво требует от нас вновь еще глубже присмотреться к нашей работе, к людям, возглавляющим и работающим на том или ином участке Ин-та.

Конкретно я не могу указать на людей и привести факты, которые давали бы достаточное количество прямых улик, но, по моему мнению, мы имеем ряд симптомов, которые внушают подозрения и навязчиво вселяют мысль, что у нас не все обстоит благополучно...

...Начну по порядку и с более известных мне участков работы, ракеты на жидком топливе. ... Вокруг работ Глушко в прошлом и даже теперь создана большая шумиха. Этот человек

и в ГДЛ, и в институте расценивается со стороны дирекции очень высоко. Достаточно указать, что Глушко все время получает высокую персональную ставку и в прошлом даже состоял на Инснабе... ..В течение 1932 – 33–34 и даже 35 работа велась, по-моему, кустарно... Фактически никаких успехов не было, были организованы, возможно, случайно, удачные демонстрации двигателя, а на этой основе, по-моему, близкие ему люди в лице Клейменова – Лангемака окружали ореолом славы... В когда во второй половине 1935 года приступили к испытаниям, то практически не было ни одного, которое не сопровождалось взрывом...

В 1936 году взрывов не повторялось. В декабре Глушко предъявил к сдаче двигатель объекта 202 (ракета, разрабатывавшаяся группой С.П. Королева – автор)... Таким образом, резюмируя изложенное, нужно сказать, что двигатель внушает большие подозрения и не может быть использован на объекте...

В 1934 году по бескрылым ракетам (разработчик – группа С.П. Королева) были взяты обязательства изготовить объект для вооружения, как говорили, на суше и на море с дальностью 60 км с 1/100 дистанции попадания и сокрушительной силы действия... Мои первые примеры в этом направлении убедили меня в том, что это абсурдное мероприятие... .. В конце 1934 года в план работ на 1935 год был внесен тот же пункт: ракета на жидком топливе дальнего действия и т. п. Я восстал против этого пункта, но на техсовете меня никто не поддержал... Пункт о бескрылых ракетах дальнего действия не был снят.

Тогда Хованский, Яновский и я написали наркому тяжелой промышленности тов. Орджоникидзе, где вскрывали сущность вопроса. Перед отправкой письма мы зашли в партком и зачитали письмо Секретарю парткома тов. Осипову. Последний пригласил Клейменова, который с шумом и криками «бузотеры» требовал вопроса о нас на парткоме... После этого пункт о ракетах дальнего действия (разработчик – группа С.П. Королева – автор) был снят.

... Я утверждаю, что в пр-ве была принята система абсолютно негодная, тормозящая развитие. Это тоже не случайный факт. Дайте мне все материалы, и я со всей очевидностью докажу фактами, что чья-то рука, возможно, по неопытности, тормозила работу и вводила государство в колоссальные убытки. В том, конечно, повинны Клейменов, Лангемак и Надеждин, в первую очередь. Повторяю, эти факты можно умножить беспрестанно, но сейчас я не в состоянии, а постараюсь изложить в следующем заявлении.

Чл. ВКП(б) А. К.»

Вот под таким антитроцкистско – карьеристским флагом и прошел 1937 год у А.Г. Костикова. Таким образом, подвинув С.П. Королева, А.Г. Костиков стал начальником отдела по разработке жидкостных ракет. А затем после расстрела главного инженера института Г.Э. Лангемака А.Г. Костиков назначается в ноябре 1937 исполняющим обязанности, а с сентября 1938-го, после ареста С.П. Королева и В.П. Глушко становится главным инженером института. Славно потрудились слесарь-академик над своей карьерой!

15. Лубянка

В.П.Глушко арестовали 23 марта 1938 года. С.П. Королева – 27 июня 1938 года после того, когда на первом допросе 5 июня 1938 года Глушко подписал протокол, в котором было записано, что Валентина Петровна завербовала в антисоветскую банду Королев, Клейменов. О первом допросе расскажу ниже.

А в это время в Германии ракетостроители Вальтер Дорнбергер и Вернер фон Браун предпринимали по указанию фашистского правительства энергичные меры, чтобы фашистская армия окончательно избавилась от кавалерийского наследия и могла уничтожить противника с помощью ракет. На немецком ракетном полигоне на побережье Балтийского моря проводились испытания их опытных образцов. Ракетные образцы взрывались на стендах. Но Гитлеру или Гиммлеру не приходило в голову обвинить Дорнбергера и фон Брауна, что они опытными взрывами подрывают мощь Германии, а поэтому являются иностранными шпионами и их надо казнить.

На первом же допросе 5 июня 1938 года Глушко был избит до потери сознания. У Королева во время первого допроса энкавэдешником была разбита челюсть. От каждого из них требовали признания участия в антисоветском заговоре и выдачи фамилий сообщников. На своем допросе Глушко в полубессознательном состоянии подписал протокол, в котором было записано, что его завербовали в антисоветскую банду Королев, Клейменов и Лангемак.

Королев с разбитой челюстью и тоже в полубессознательном состоянии на допросе подписал протокол, в котором было записано, что его завербовали в антисоветскую банду Глушко, Клейменов и Лангема. Кроме того в протоколах было записано, что главарями банды были Клейменов и Лангемак.

Первый допрос и для Глушко, и для Королева – будущих покорителей космоса и создателей межконтинентальных баллистических стратегических ракет, показал всю мерзость следователей.

Мерзость заключалась в том, что кроме всего прочего следователь заставил Валентина Петровича подписать в протоколе допроса, что его завербовал в преступную банду Королев.

А Королева следователь заявил кроме всего прочего подписать протокол допроса, в котором значилось, что его завербовали в преступную банду Глушко.

На последующий допрос их вызвали тоже по одиночке, но только через несколько месяцев. За это время арестованные сообразили, во что они вляпались своей подписью под протоколом. И стали требовать ликвидации своих подписей.

Глушко и Королеву говорили в отдельности – ты лжешь, тебя разоблачили три человека.

Глушко многократно повторяли, что его выдали Королев, Клейменов и Лангемак.

Королеву же многократно заявляли, что его выдали вонючие враги народа Клейменов и Лангемак, а также Глушко.

Глушко настаивал, чтобы ему дали очную ставку с Клейменовым, Лангемаком и, конечно, с лгуном Королевым. Каждому из них он плюнет в лицо из-за их нечистоплотности.

Королев требовал, чтобы ему дали очную ставку с Клейменовым, Лангемаком и, конечно, с нечистоплотной личностью – с Глушко. Каждому из них он плюнет в лицо из-за их мерзости.

Следователи ухмылялись и снова били их. Но Глушко и Королев, избитые, настаивали на своем. Глушко требовал предоставить ему Королева для того, чтобы превратить его уголовную морду в кровавое месиво за клевету.

Королев требовал показать ему Глушко, чтобы набить ему его похабную морду за вранье.

А как бы поступили вы, если бы следователь вам бросил с ухмылкой в лицо, что вас выдали ваши начальник, главный инженер и коллега по работе? Наверное, завывали бы от негодования за поклеп и послали бы начальство института и коллегу по работе к чертовой матери

и закрыли бы для них дорогу в свой духовный мир. Точно также отреагировали на обман следователей два будущих корифея ракетостроения, не подозревая, что следователи обманули их наглым образом. Вот так Глушко и Королев надолго стали между собой врагами.

Вам нужны доказательства, чтобы поверить выше написанному? Их опубликовала в 1995 году в № 9 журнала «Смена» Клара Скопина (материал «Загадочный Петрович») на основании разысканных ею протоколов допросов В.П. Глушко и С.П. Королева в НКВД на Лубянке.

24 января 1939 года Глушко был приведен в комнату следователя Бутырской тюрьмы на второй допрос. Валентин Петрович заявил с порога: «От показаний, данных мною 5 июня 1938 года, я отказываюсь, так как эти показания в результате морального и физического воздействия не соответствуют действительности».

В ответ услышал: «Вы изолгались! «Напрасно вы пытаетесь отрицать свое участие в антисоветской организации и проведенную вами вредительскую работу по ее заданию. Следствие достаточно имеет данных, что вас в этом уличить».

Глушко непоколебим: «Прошу предъявить мне эти данные следствия, чтобы я мог их опровергнуть».

Следователь с издевкой прочитал показания Королева. Глушко тверд, как гранит: «Показания Королева о моей принадлежности к антисоветской организации и участие в ее деятельности голословны. Прошу допросить меня на очной ставке с Королевым, чтобы я мог уличить его в клевете... От всех ранее данных мною показаний я отказываюсь как от вынужденных и не соответствующих действительности. Никакой вредительской работой я не занимался...».

Считаю необходимым привести полностью письмо, обнаруженное Кларой Скопиной в архивах КГБ:

«Председателю Верховного суда СССР. От заключенного Новочеркасской тюрьмы Королева Сергея Павловича.

29 октября с.г. я обращался к Вам с заявлением и просьбой в порядке служебного надзора пересмотреть мое дело, т. к. 27 сентября с.г. я был осужден в г. Москве Военной Коллегией на 10 лет тюремного заключения неправильно, и в предъявленных мне обвинениях ст. 58-7, II п 8/1 я совершенно невиновен. В упомянутом заявлении я уже заявлял, что никакой вредительской деятельностью я никогда не занимался, ни в какой антисоветской вредительской организации я никогда не состоял и ни о чем подобным не знал. Там же я кратко излагал обстоятельства, при которых следователи VII отдела НКВД Шестаков и Быков путем избиений меня и издевательств заставили меня написать на себя вымышленные ложные показания, от которых я отказался еще до суда, заявив обо всем этом Наркому Ежову (31/8 с.г.), и прокурору Вышинскому (14/VIII и 31/VIII), и начальнику тюрьмы, будучи совершенно невиновным.

Никто (ни следователь, ни суд) не пересматривал моего дела по существу, да никакого «дела» у меня и нет, а все составляют грубо извращенные факты и обстоятельства, в которых никто не хотел объективно разобраться. Поэтому я обратился к Вам с заявлением 20/X, в настоящем заявлении я к ранее изложенным обстоятельствам хочу добавить некоторые факты, могущие разъяснить мою невиновность. Так, в данных мною под давлением следствия показаниях написано:

1. Что я состоял в антисоветской организации и знал, что в ней состоят б. директор Инта Клейменов, техдиректор Лангемак и инж. Глушко и что Лангемак, якобы завербовавший меня, давал мне вредительские задания (о них я скажу ниже), которые я выполнял. Это все ложь, как я уже и говорил ранее, и я неоднократно просил дать мне очную ставку или хотя бы показать мне показания этих людей, но мне в этом отказали. Показания этих людей на меня (если они есть) клевета или ложь.

2. Что я неверно делал расчеты и проекты ракет... Можно найти 2 акта технической комиссии РККА (НИТИ РИКА) и заключение консультанта из ВВА им. Жуковского, бригаженера Пышнова о том, что все проделанные расчеты удовлетворяют требованиям. Кроме

того, все расчеты подвергались проверке и обсуждению на техсовете... И наконец, за всю мою работу по ракетам ни разу расчеты не подводили нашу работу. Аналогично по другим объектам (например, 318/218).

3 Что я вел работу без достаточно разработанной и обоснованной теории. Это все ложь, т. к. в трудах НИИ-3 «ракетная техника» № 1, 2, 3, 4, 5 и в журналах «Техника Воздушного флота» № 7 за 1935, а также в делах объектов №№ 301/201 и 318/218 напечатаны работы мои, инж. Щетканова (фамилия неразборчива – автор), инж. Дрязгова и других работавших со мной инженеров по вопросам теории ракет. Теория ракет именно нами и разработана в тех пределах, как это позволяло время (с 1935 г.) и новизна дела.

4. Можно сказать, что «венцом» или завершением моих работ над ракетами было создание мною и инж. Глушко (ныне арестован) в период с 1935 г. по 1937 г. ракетного самолета – ракетоплана. Такая работа не сделана еще нигде и за рубежом. Я провел 30 испытаний на земле с работающим ракетным двигателем и 100 испытаний разных (пробная заливка баков, проба арматуры и проч.). Количество этих испытаний ничтожно для такого большого технически сложного и нового вопроса-проблемы, как ракетоплан. Простой автомобиль, хорошо изученный, испытывают десятки раз. Но меня заставили написать, что я умышленно затягивал выпуск машины, увеличивая число испытаний, что когда я и инж. Глушко испытывали зажигание, то хотели взорвать объект и т. п. Это все ложь, т. к. ракетоплан цел и невредим и находился до дня моего ареста в НИИ № 3 НК ОП (27 июня с.г.). Никаких взрывов на нем вообще не было, и он, и мотор целы. А в обвинительном заключении сказано, что в 1935 (!) я взорвал ракетоплан (!). Подобные примеры можно привести еще, но нет места.

5. Так все перевернуто, извращено в этих показаниях, ди иначе и быть не могло, т. к. меня заставляли писать неправду, извращая факты. Следствие, как я уже указывал, введено в заблуждение ныне техдиректором НИИ-3 Костиковым и его группой (Дедов, Душкин, Калянова), которые травили меня и мои работы ряд лет и дали ложные сведения НКВД... Моя просьба о грамотной экспертизе была отклонена...

6 В приговоре сказано, что я тормозил «образцы вооружений». Но я никогда не работал над «образцами»! Я вел научно-исследовательскую проблемную работу (с 1935 г.), которая со временем могла стать «образцами». Работа за эти два с половиной года шла с результатами, и создание ракетного опытного самолета, испытаний ракет и пр. все материалы об этом есть в НИИ № 3 НК ОП в Москве. Ракетные самолеты – цель моей жизни, они нужны СССР, и я прошу Вас пересмотреть мое дело для того, чтобы я мог снова над ними работать, а не сидеть без дела в тюрьме...

10 ноября 1938 г. Королев».

В.П. Глушко, как и С.П. Королев требует справедливости:

«Генеральному Секретарю ВКП(б) И.В. Сталину.

От подследственного Глушко Валентина Петровича, нах. В Бутырской тюрьме НКВД. Дело 18102.

Я – советский инженер (род. В 1908 г.) работал 9 лет в НИИ № 3 НК ОП, руководя разработкой реактивных двигателей, создал две опытные конструкции ракетного двигателя и газогенератора для топед (морских), принятых спец. Комиссиями, имею свыше 10-ти опубликованных научных работ и т. п.

Будучи оклеветан врагами народа и окопавшимися в НИИ № 3 карьеристами и завистниками, я оказался арестованным 23.III.38 г.

Материалом моего обвинения служат лишь заявления, что несколько лабораторных опытов оказались неудачными. Однако необходимо ведь признать, что при разработке новой конструкции, когда проводятся сотни опытов, некоторые из них могут быть неудачными! Тем не менее я нахожусь под следствием уже 11 месяцев. На основании изложенного прошу Вашего

вмешательства, чтобы освободить меня из тюрьмы и дать возможность отдать все силы и знания на пользу Родине.

В. Глушко. 21.П.39 г.»

17 марта 1939 года было утверждено дело на В.П. Глушко. Но только через пять месяцев 15 августа 1939 года дело было рассмотрено Особым Совещанием при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР. Особое Совещание постановило: «Глушко Валентина Петровича за участие в контрреволюционной организации заключить в исправительно-трудовой лагерь, сроком на 8 лет, считая с 23 марта 1938 года. Дело сдать в архив».

На выписке из протокола № 26 («Слушали – постановили») в тот же день или через пару дней появилась удивительная резолюция, сделанная чей-то рукой простым карандашом: «Ост. для раб. в тех. бюро». Вот так чья-то ныне неизвестная рука решила судьбу советской космической и оборонительной ракетной техники. Кто это был?

Попробуем разобраться в непростой в стране ситуации, сложившей тогда.

Был арестован Глушко по приказу наркома внутренних дел Н.И. Ежова. В то время бытовала поговорка – арестовали, значит, попал в «ежовые рукавицы».

В стране был распространен плакат, нарисованный художниками Кукрыниксы. На нем был изображен Ежов, в его руках ежовые рукавицы, ими он уничтожает контрреволюционную змею – гадюку.

Н.И. Ежов санкционировал расстрелы И.Т. Клейменова (10 января 1938 года) и Г.Э. Лангемака (11 января 1938 года).

23 ноября 1938 года Н.И. Ежов покинул пост наркома внутренних дел. 25 ноября 1938 года. Наркомом внутренних дел был назначен Л.П. Берия. Лаврентий Павлович может быть не настолько кровожадным, как Николай Иванович, поэтому Сталин и доверил ему НКВД. И дал понять новому наркому, что пора умерить расстрельный пыл и «отпустить возжи».

Сыграло, вероятно, и письмо Глушко Сталину, приведенное мною выше... Берия по совету Сталина использовать заключенных инженеров не на лесоповалах, а в закрытых конструкторских бюро, приступил к их организации.

Так что резолюция карандашом на судебном деле Глушко определила дальнейшую судьбу Валентина Петровича неспроста.

Все годы после приговора до решения Сталиным в 1944 году об освобождении группы заключенных специалистов в авиационных конструкторских бюро НКВД Валентин Петрович трудится в различных КБ НКВД, создавая реактивные двигатели.

По иному сложилась судьба С.П. Королева. Приговор Сергею Павловичу был вынесен 27 сентября 1938 года – 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Королев не задержался надолго в переполненной камере на Лубянке. 10 октября 1938 года он оказался в Новочеркасской тюрьме, тоже перегруженной, но в основном, уголовниками.

16. Новочеркасская тюрьма для будущего покорителя космоса

Новочеркасской тюрьме я посвятил целую главу. Тому были две причины. В ней С.П. Королев находился почти восьми месяцев, то есть больше, чем на Любянке или на Колыме. О том, что в ней происходило, даже знаменитый журналист Ярослав Голованов, автор книги «Королев. Факты и мифы», написал всего лишь несколько строк:

«Московские казематы были переполнены, столицу требовалось разгрузить, и арестованных рассылали в пересыльные тюрьмы, где формировались этапы в Коми, Мордовию, на Урал, в Сибирь и далее – до крайних восточных пределов страны. Королев попал в Новочеркасскую пересылку. Прибыл он туда – в одну из самых больших тюрем на юге России... Я не нашел ни одного человека, который бы помнил Королева по Новочеркаску, о жизни его там ничего не известно... В то же время в квартире на Конюшковской (Москва – автор) какие-то подозрительные личности, приносят крохотные записочки: «Жив, здоров, не волнуйтесь...». Ксения Максимилиановна сует этим добровольным почтальонам деньги. Расспрашивать бесполезно: что могут рассказать уголовники?

– В Новочеркаске шамовка клевейшая, куда Самаре...

Но Ксения Максимилиановна не знала, как кормят в самарской тюрьме, сравнить не могла...».

Ксения Максимилиановна Винцентини – первая жена Сергея Павловича. В то время она, как могла боролась за существование семьи. Что бы хоть как то прокормить семью и посылать деньги мужу она трудилась на трёх работах.

Руководство больницы имени С.П. Боткина, в которую к этому времени устроилась Ксения Максимилиановна, в лице профессора М.О. Фридланда – заведующего кафедрой травматологии и ортопедии Центрального института усовершенствования врачей, действовавшей на базе Боткинской больницы, и Главного врача больницы Б.А. Шимелиовича решило ей помочь, предложив подать заявление о зачислении на должность ассистента кафедры.

В своей книге "Отец" дочь Сергея Павловича Н.С. Королёва вспоминает:

«Мама согласилась не сразу. Она знала, что ей придется, заполняя анкету, написать, что ее муж арестован, а кто возьмет на такую должность жену арестованного? Тем не менее Михаил Осипович и Борис Абрамович (Фридланд и Шимелиович – соответственно – Н.К.) убеждали ее и буквально заставили написать заявление. По их рекомендации, к величайшему удивлению мамы, она была зачислена в штат института на должность ассистента. Но вскоре ее неожиданно вызвали в кабинет главного врача, где уже находилась директор ЦИУВ профессор В.П. Лебедева, которая очень внимательно посмотрела на нее и задала несколько вопросов. Лишь потом мама узнала, что какой-то "доброжелатель" сказал директору, что она – итальянка, плохо говорит по-русски и даже институт закончила за рубежом (итальянцами были предки отца Ксении Максимилиана Николаевича Винцентини – потомственного винодела, а также преподавателя в Бессарабском училище садоводства. Ксения Максимилиановна окончила одесскую стройпрофшколу, где познакомилась с С.П. Королевым. Закончила Харьковский медицинский институт – автор). Маму приняли на должность ассистента без кандидатской степени с тем условием, что она должна как можно скорее подготовить и защитить диссертацию.

Теперь, помимо трех служб, предстояло еще заниматься научной работой, М.О. Фридланд предложил ей тему: "Спирт-новокаиновая блокада как метод борьбы с мышечной ретракцией (сокращением мышц) при переломах длинных трубчатых костей".

Экспериментальную часть диссертации мама выполняла по ночам на лягушках, морских свинках и кроликах.

Имея уже большой опыт работы практического врача-хирурга, много оперируя на органах брюшной полости и костях, она сама была не в состоянии зарезать лягушку.

Приходилось, несмотря на дефицит денег, нанимать санитарку, оплачивая ее "труд", иначе завершить работу оказалось бы невозможно. Когда экспериментальная часть диссертации была закончена, разработанная методика начала применяться в клинике у больных с переломами длинных трубчатых костей, а затем и ребер. В дальнейшем она нашла широкое применение при лечении раненых во время Великой Отечественной войны».

– А в это время Сергей Павлович в Новочеркасской тюрьме нашел способы налаживания связей с семьей.

Журналист «Комсомольской правды» Ярослав Голованов, окончивший ракетный факультет МВТУ имени Баумана и имевший в связи с этим обширные познания в ракетостроении, но нашедший свое призвание в журналистике, пытался выяснить обстоятельства пребывания Королева в Новочеркасском «зиндане». Как мы уже знаем, автору книги «Королев. Факты и мифы» это не удалось.

Мне помог совершенно невероятный случай. В днепропетровской газете «Днепр вечерний» была опубликована моя корреспонденция о соревнованиях скалолазов, проводившихся в крымском поселке «Новый свет».

Они были посвящены Николаю Васильевичу Крыленко – легендарной личности. Это был не сломленный царскими жандармами революционер и одновременно страстный горюхосходитель. В эмиграции вместе с В.И. Лениным поднимался на общедоступные заснеженные вершины Альп. В Татрах они вместе выходили в горы.

Участник Октябрьской революции, Крыленко был назначен большевиками в конце 1917 года Верховным главнокомандующим Красной Армии. В 1918 году – член коллегии наркома юстиции (в 1912 году Крыленко поступил в Петербургский университет на юридический факультет, где сдал экстерном три магистерских экзамена для получения ученой степени).

1922–1924 г.г. – заместитель наркома юстиции. 1929–1931 г.г. – прокурор РСФСР, 1931–1936 – народный комиссар юстиции РСФСР, 1936–1938 г.г. – народный комиссар юстиции СССР.

В 1938 году на первой сессии Верховного Совета СССР Н.В. Крыленко подвергся критике за то, что тратил слишком много времени на альпинизм. «когда другие работают». Конечно, не альпинизм был причиной суровой критики народного комиссара юстиции СССР. Не сошелся он взглядами с государственным обвинителем на политических процессах Вышинским и председателем Верховного суда СССР Винокуровым из-за нарушений советской юриспруденции. 29 июля 1938 года был расстрелян.

Что касается – «тратит слишком много времени на альпинизм», то Николай Васильевич, действительно, уделял альпинизму предостаточно времени. Но и результаты были ошеломляющими. Он организовал несколько экспедиций на Памир, благодаря чему исчезли с карты СССР «белые пятна». Его экспедицией был открыт на Памире пик высотой 7495 метров и назван пиком Сталина (переименован в 1962 году в пик Коммунизма, а в 1999 году в пик Исмаила Сомони в честь основателя первого (в X веке) таджикского государства). Крыленко возглавлял организованное им Всесоюзное общество пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ).

Конечно, в честь такого советского государственного деятеля нельзя было не организовать в Крыму соревнования скалолазов. В моей публикации было рассказано и о Н.В. Крыленко. Через неделю или чуть больше мне позвонили из редакции и передали, что меня вызывает главный редактор «Днепра вечернего».

Владимир Тимофеевич показал мне несколько листков из конверта и сказал:

– Это отклик на твою статью о скалолазах. Он настолько удивил всю редакцию, что пришлось оторвать тебя от твоих непосредственных дел в твоём КБ «Южное».

– Пригласили «на ковер»? Чтобы «нашлепать» за скалолазов? Что же такое мы натворили (я увлекался тогда и до сих пор увлекаюсь альпинизмом, скалолазанием, горным и пешим туризмом)?

– Письмо удивительное, оно адресовано тебе, но отослано в редакцию. Мы его прочитали. Оказывается, ты разбередил душу старому тюремщику. Прочитай послание, может быть пригодится для дальнейших публикаций. Неплохо бы тебе встретиться с ним...

На четырех страницах убористого текста были изложены откровения необычного для многих человека. Ну как же было не упустить возможности повидаться с ним!

– Не ожидал, что редакция «Вечерки» откликнется на мои воспоминания. Станислав Иванович, хорошо, что газета вспомнила о Крыленко. Выдающийся был человек. Мне около семидесяти лет, а помню многое, как будто происходило все, как сегодня. И тридцатые годы, и войну, и дальнейшее интереснейшее время. Я награжден почетным знаком «Заслуженный работник МВД СССР».

– Петр Николаевич, ваша трудовая деятельность прошла за «колючей проволокой»?

– Должен же был кто-то в стране обеспечивать выполнения юридических, прокурорских и судебных решений и постановлений. Хорошо, что вы вспомнили о Крыленко. Во всем мире нарушители законов наказываются, в том числе и лишением свободы. Николай Васильевич был ярким поборником соблюдения законностей в стране. За что и был расстрелян в 1938 году.

– Не могли ли бы вы рассказать о вашей роли в соблюдении судебных постановлений?

– Ваш вопрос какой-то витиеватый! Спросили бы напрямую о моей тюремной деятельности. У нас бытует мнение об исправительно-трудовых лагерях, как о некоем подобии преисподней. Это враки хлюпиков – интеллигентшек. Все было по иному. По крайней мере там, где я служил. Я прошел путь от рядового сотрудника до начальника. Мне можно верить.

– Начальника чего?

– Как бы тебе понятно объяснить? Лагерь – это не санаторий. Я был главнокомандующим над армией из тысяч эков, например, в конце сороковых – начале пятидесятых годов на строительстве железной дороги Тайшет – Лена в Восточной Сибири. В моем лагере заключенные участвовали в социалистическом соревновании. Передовики социалистического соревнования отмечались поощрениями – например, дополнительным питанием. Мои заключенные питались в пределах установленных норм. Я изыскивал возможность усиливать его для тех, кто был впереди на трудовом фронте.

– Это были уголовники или политические?

– Кто такие политические? Ныне этот термин либералы применяют к кому не лень. Как можно было бы назвать политическим ныне всемирно известного покорителя космоса Сергея Павловича Королева? А ведь ему вклеили в 1938 году политическую статью – организация антисоветского заговора! Какой же был из него антисоветчик, если он думал только о ракетах!

– Вы это поняли только сейчас или уже тогда, в конце 30-х годов?

– Тогда я недоумевал – политзаключенный поет блатные одесские песни? Так кто же он на самом деле?

И далее шел рассказ о том, как восемнадцатилетний донской казак Петр Журавлев был призван в тридцатые годы в Красную Армию. Первым местом его службы оказалась Новочеркасская тюрьма.

Она было ровесницей столицы Донского казачества – Новочеркасска. В начале XIX века, когда по указу императора Александра I новую донскую казачью столицу начал строить атаман Матвей Платов, оказалось, что для свершения правосудия потребовался острог. Весь XIX век он был местом задержания нарушителей общественного порядка и отбывания наказания для осужденных судом. В начале XX века на его месте было начато строительство капитальной тюрьмы. В 1915 году каменное четырехэтажное сооружение приняло первых заключенных. После достройки в 1918 году оно уже вмещало около двух тысяч заключенных. Тогда и в

тридцатые годы это была почти «крепость» для содержания уголовников. Но в тридцатые годы среди них оказались и политические узники.

Молодой «стражник» Петр Журавлев быстро освоился с тюремными порядками. Что входило в его обязанности? Слежка за тем, чтобы в камерах уголовники не буйствовали. Среди них выделялись верховодилы, остальные более мелкого пошиба. Он с первых шагов узнал, что нужно уголовникам от надзирателя: чтобы в передачах для них тот не заметил спрятанный самогон. Были такие стражи порядка, кто не брезговал принимать от уголовников деньги и тайком приносить с воли спиртное. Захмелев, сокарменики пели блатные песни. Каково было удивление, когда Журавлев узнал, что одним из запевал был политический:

Раз пошли на дело —
Выпить захотелось,
Мы зашли в шикарный ресторан.
Там сидела Сара
В коженной тужурке,
А под нею боевой наган...

– Серега, не Сара, а Рая, – кто-то ухмыльнулся, – мою бабу звали Рая.

– Пусть будет Рая, если ты докажешь нашему камерному обществу, что у Раи были «коже-ная тужурка и боевой наган», – Серега улыбнулся, – но в Одессе песню сочинили о той, которую все звали Сарой.

В уголке камеры зашевелился другой политический:

– Сергей, у тебя же контрреволюционная статья, как можешь петь такую пошлятину!

– Извини, Отто Петрович. Это ты почти музейный биндюжник из Таганрога. А я – одессит. Закончил там профтехшколу. Мне сам Бог велел петь в этом «зиндане» одесские воровские сочинения.

В одной камере сошлись донские уголовники, а также директор Таганрогского музея Отто Петрович Лапин и ракетчик Серега Королев. Отто Петрович не терпел уголовников, ставил себя выше них. Скончался в 1940 году в Новочеркасской тюрьме при невыясненных обстоятельствах.

Сергей быстро наладит отношения с «братвой». Кто из «братвы» уходил на волю, тот уносил в ботинке Сережину «писулю» для его мамы Марии Николаевны и жены Ксении Максимилиановны.

У надзирателя Петра Журавлева Сергей Королев потребовал бумагу и чернил. Очень понравился Петру, выражаясь современным языком, «одесский шансон» в исполнении «шансонье» Королева. Уважил просьбу политического заключенного – бывшего одессита.

Начальник тюрьмы прочитал:

«Верховному прокурору СССР, г. Москва. От заключенного Новочеркасской тюрьмы... Я оторван от дела в период его успешного развития, и работа стоит, т. к. арестован и Глушко. Этим нанесен ущерб СССР, так как указанные работы чрезвычайно важны и нужны. Прошу Вас пересмотреть мое дело, причем все факты и сведения могут быть мною доказаны. 1938 г. 29 октября. Королев».

Начальник не стал возражать и отправил заявление в Москву. Что там происходило, Королев не знал, но продолжал посылать заявления в столицу. Пошел восьмой месяц его пребывания в Новочеркасской пересылке, когда пришел из Москвы приказ подготовить следующую партию заключенных для отправки на Дальний Восток.

17. Здравствуй и прощай, Магадан!

Вначале было: «Здравствуй, Магадан! Здравствуй, Колыма!». Они запомнились Королеву на всю жизнь. О том, как удалось Сергею Павловичу вырваться из их цепких объятий, достоверных публикаций почти нет. Зачастую в них зафиксированы легенды.

Клара Скопина описала возвращение Королева с Колымы следующим образом:

«Оставленный работать в техническом бюро – в КБ двойного подчинения (НКВД и НКАП), которых в 1939 году возникло много, – Глушко продолжил разработки по ракетным двигателям на жидком топливе. Его предложения были приняты и одобрены для реализации Военно-воздушными силами, что позволило Глушко добиться создания отдельного КБ по ракетной тематике. В 1941 году Глушко был назначен его главным конструктором. В семидесяти годах в кругу друзей он вспоминал:

«Я сразу же обратился с устной и письменной просьбой к руководству НКВД прислать мне в ОКБ трех товарищей: Клейменова, Лангемака и Королева. Получил устное «добро» и стал их ждать. 41-й год прошел – они не прибыли. Я обратился повторно с такой же просьбой в НКВД и мне сообщили, что Клейменова и Лангемака уже нет, а Королев находится на Колыме, что в 41-м он не успел выехать оттуда, но в 42-м прибудет ко мне. Дело в том, что, мол, сообщение (тогда) с Колымой было только морем через Владивосток, причем в период навигации и, что совершенно страшно для НКВД, водный транспорт проходил мимо берегов Японии. Я вновь обращаюсь в НКВД с просьбой выяснить, в чем дело, и только после этого вскоре Королев приезжает ко мне в Казань, в мое ОКБ».

Ярослав Голованов расспрашивал об этом же эпизоде из жизни Королева его мать. Для Марии Николаевны Баланиной, из-за пережитых стрессов, ворошить прошлое было особенно тяжело. И все же в беседе с Головановым она вспомнила, будто ее сын прислал ей письмо из Магадана и в нем он просил передать привет «дяде Мише». Прочитав его, она обратилась за помощью к известному летчику депутату Верховного Совета СССР, Герою Советского Союза СССР Михаилу Михайловичу Громову. Он предпринял меры для возвращения Королева с Колымы.

Но воспоминание Марии Николаевны противоречит документам, в которых зафиксировано, что она обратилась за помощью к Героям Советского Союза Гризодубовой и Громову, чтобы они помогли освободить ее сына, значительно раньше, когда Сергей Павлович находился еще в Новочеркасске.

Этот эпизод из жизни Королева раскрыла его дочь Наталия Сергеевна:

«В январе и феврале 1939 г. пришли четыре письма отца из Новочеркасской тюрьмы. Из них, выхолощенных цензурой, можно было понять только, что жив да здоров, чувствует себя сносно, всё благополучно. Первая страница представляла собой описание того, как отец живёт и что жить, в общем, можно. Вторая была вся вымарана, да так искусно, что ни на свет, ни с лупой ни одной буквы не разобрать, а на третьей странице, после слов «целую Вас крепко, мои дорогие» сохранились ещё две фразы о том, что всё же до отца доходят вести из большого мира, что он знает о полёте наших лётчиц во главе с Валентиной Гризодубовой и что гордится ею. А на первой странице внизу было приписано: «Я рад получать от вас хоть какие-нибудь весточки, передайте мой большой поклон дяде Мише».

Прочтя это письмо, Мария Николаевна с мамой долго думали и решили, что неспроста отец написал о дяде Мише. Но кто же это? В нашей семье мужчины с таким именем нет. Конечно, это – Михаил Михайлович Громов!

...Мать Королева Мария Николаевна Баланина обратилась к Громову:

– Мне нужно попасть к председателю Верховного суда, чтобы просить о пересмотре дела. Я была в его приемной. Проникнуть к нему без поддержки, скажем вашей, я не смогу. Вот я и

хочу обратиться к вам за такой поддержкой. Не просить о пересмотре дела – я сама попрошу, а только помочь попасть к нему, чтобы передо мной открылись двери.

Выслушав бабушку, он спросил:

– А у Гризодубовой вы были?

– Нет, еще не была.

– Ну, тогда вот что. Я охотно вам помогу. Сделаем так: я посоветуюсь с Валентиной Степановной – она сейчас куда-то улетела, возвращается, кажется, на днях, а затем посоветуюсь со своим секретарем, в какой форме я могу вам помочь.

...То, что он, Герой Советского Союза, не может сам решить этот вопрос и должен с кем-то советоваться, так поразило бабушку, что она широко открыла глаза. Поняв ее реакцию, он добавил:

– Ведь я же беспартийный.

...Заручившись поддержкой Громова, бабушка стала готовиться к походу в Верховный суд. Предварительно вместе с мамой она побывала у юриста, которого кто-то рекомендовал маме. Это была женщина средних лет, внимательная и толковая. Она жила на Большой Молчановке. Бабушка уже дважды бывала у нее в юридической консультации на Пушкинской улице. Сейчас она хотела получить совет, что говорить и как себя держать на приеме у председателя Верховного суда. Юрист не стала советовать, что говорить, сказав, что бабушка и сама прекрасно все объяснит. Зато порекомендовала ей иметь вид не бедной просительницы, а уверенной в своей правоте красивой женщины: «Оденьтесь к лицу. Вы должны произвести впечатление и своей настойчивостью добиться положительного результата. Это последнее, что вы можете сделать для вашего сына, желая его спасти. Если вы получите здесь отказ, больше вам никто не поможет». И кроме того, предложила прийти наутро к ней в консультацию, чтобы снять с ходатайства Громова машинописную копию, а подлинник, на всякий случай, оставить себе. Бабушка так и сделала. На следующий день она надела платье синего цвета, которое ей шло, настроила себя на решительный разговор и отправилась. В приемной председателя Верховного суда было много народу. Когда подошла ее очередь, она вошла в кабинет секретаря и увидела у окна двух машинисток, а у письменного стола высокого молодого военного, который внимательно ее выслушал, взял ее заявление с копией ходатайства М.М. Громова и назначил день приема. К заявлению бабушка приложила выдержки из трех писем отца.

«ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

Тов. ГОЛЯКОВУ

От БАЛАНИНОЙ Марии Николаевны(по первому мужу Королевой) прож. Москва 18, Октябрьская ул. д.38 кв. 236

ЗАЯВЛЕНИЕ

Мой сын КОРОЛЕВ СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ, осужденный в 1938 году Военной Коллегией Верховного Суда Союза к 10 годам тюремного заключения, ныне находится в гор. Новочеркасске, почт. ящик № 43.

Я прошу Вас о пересмотре его дела, так как сын убежден в своей невиновности, что видно из его писем, в которых он высказывает твердую уверенность в том, что при пересмотре его дела в Верховном Суде Союза, куда он в октябре-ноябре 1938 г. направил свое мотивированное заявление, «ВСЕ ВЫЯСНИТСЯ И ПРАВДА ВОСТОРЖЕСТВУЕТ». Выдержки из писем прилагаются на особом листе (подлинники письма могут быть представлены по первому требованию).

О сыне могу сообщить следующее: Сын мой, один из ведущих инженеров Научно-Исследовательского Института № 3 НК ОП (Народного Комиссариата Оборонной Промышленности).

Вся жизнь сына, которому в настоящее время 32 года, обстановка, в которой протекала его работа, а равно сопровождавшая ее борьба заставляют меня не только, как мать, но и

как советскую гражданку обратиться к Вам с настоящим заявлением, в целях восстановления истины.

Сын мой, Королев Сергей Павлович, инженер-конструктор авиа – и ракетных аппаратов и одновременно летчик.

Его планер «Красная Звезда» в 1930 году сделал первую в мире мертвую петлю, другой его проект аэроплана получил первую премию на конкурсе.

В области реактивного движения он также, несомненно, внес свой вклад (печатные труды, доклады – его доклад в Академии наук СССР помещен в «Трудах Академии наук»).

Он – пионер реактивного дела...

29 мая 1938 г при проверке одного из опытов над засекреченным объектом своих работ сын был ранен и с сотрясением мозга доставлен на лечение в больницу им. Боткина.

Не закончив еще курса лечения, имея еще больничный лист, он был арестован органами...

...Обращаюсь к Вам, тов. Голяков, с убедительной просьбой ПЕРЕСМОТРЕТЬ ДЕЛО МОЕГО СЫНА КОРОЛЕВА С.П., ЗАТРЕБОВАВ ЕГО ИЗ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА, А ТАКЖЕ ПРЕДОСТАВИТЬ ЧЛЕНУ КОЛЛЕГИИ ЗАЩИТНИКОВ тов. КОММODOVУ ПРАВО ОЗНАКОМИТЬСЯ С ДЕЛОМ, ДАБЫ ГАРАНТИРОВАТЬ МОЕМУ СЫНУ, МОЛОДОМУ СОВЕТСКОМУ СПЕЦИАЛИСТУ, ПРАВО НА ЗАЩИТУ, КОЕГО ОН БЫЛ ЛИШЕН ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛА В ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ...

М. БАЛАНИНА, 27.III.39 г.»

Без сомнений Мария Николаевна произвела отличное впечатление на молодого военного – Председателя Верховного Совета СССР Голякова. Он, сам имевший успех у прекрасного пола, вероятно, подумал: почему бы не предоставить шанс на жизненный взлет такой обаятельной, умной, неотразимой женщине. И передал «дело» своему заместителю Ульриху с намеком – к этой особе следует отнестись повнимательнее. Тот написал на «деле» – «ПЕРЕСМОТРЕТЬ»! С этого мгновения осужденный С.П. Королев стал не осужденным, а подследственным. Для ведения следствия в Москве необходим был сам подследственный. Вот так Королев был возвращен с Колымы на Лубянку.

Следствие возобновилось. Оно шло ни шатко, ни валко, то есть не спеша.

Его подхлестывали мать и жена Сергей Павловича, а также Громов и Гризодубова. Родственникам даже разрешили свидания с подследственным. На свидания мать и жена брали с собой пятилетнюю дочку Сергея Павловича Наташеньку. Ей сказали, что папа – летчик, поэтому дома не бывает, он прилетел, но домой прийти из-за перегруженности на работе не может. На первом свидании девочка спросила папу:

– Как ты можешь прилететь в такую маленькую комнату? Неужели ты сел вместе сюда вместе с самолетиком? А где самолетик?

Папа попытался было что-то ответить, но его опередил охранник:

– Девочка, сесть сюда очень легко, а вот вылететь отсюда очень и очень трудно.

Улыбнулся и не воспротивился, когда папа взял Наташеньку на колени.

Ульрих «дело» Королева с собственной резолюцией отправил наркому НКВД Л.П. Берия. Лаврентий Павлович поручил рассмотреть «дело» начальнику следственной части и главного экономического управления НКВД Богдану Захаровичу Кобулову, напомнив, что летчики – конструкторы самолетов нужны в конструкторских бюро НКВД, разрешенных Сталиным.

Снова собралось Особое Совещание при НКВД. Постановило: 8 лет заключения в Печорском лагере на строительстве Северной железной дороги.

Помощник начальника следственной части НКВД Клочков, когда к нему принесли «дело» Королева с подписями новых следователей и повторным приговором Особого Совещания при НКВД, не забыл указание Кобулова об использовании конструкторов самолетов в

особых конструкторских бюро НКВД. Повторно навел справки по «делу» авиаконструктора Королева и приказал доставить Сергея Павловича к себе в кабинет. Спросил:

– Почему вы во всех заявлениях в высшие инстанции пишете, что являетесь конструктором ракет? Можно подумать, что вы готовили ракеты для покушения на товарища Сталина! Но товарищ Сталин ярый поклонник самолетов! Вы меня поняли?

Положил перед Королевым лист бумаги.

– Напишите заявление от имени авиаконструктора Королева и попросите, чтобы при исполнении второго приговора вас использовали по специальности «авиаконструктор».

В стране уже несколько лет существовали особые тюрьмы – специальные КБ, где репрессированные ученые, конструкторы, инженеры – «враги народа» – разрабатывали новые образцы военной техники. В одной из таких спецтюрем находился арестованный А.Н.Туполев. Он, возглавив разработку нового военного истребителя-бомбардировщика, как вспоминают его соратники, составил список нужных для работы над новыми самолетами специалистов и потребовал доставить их из лагерей в его «шарашку».

Не зная об этом, но услышав неожиданное предложение Клочкова, Королев моментально написал заявление. В результате на стол Кобулова 13 сентября 1940 года легло составленное Клочковым заключение, согласованное с заместителем начальника следственной части Главного Экономического Управления НКВД СССР Шварцманом. Кобулов его утвердил. Эта подпись фактически определила дальнейшую судьбу Королева.

Читателям небезинтересно будет ознакомиться с этим документом, опубликованным Н.С. Королевой:

«”Утверждаю”

НАЧ. ГЛАВН. ЭКОНОМ. УПРАВЛ. НКВД СССР

КОМИССАР ГОСУДАРСТВ. БЕЗОПАСНОСТИ 3 РАНГА —/ КОБУЛОВ/ 13 сентября 1940 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

НКВД СССР 28—го июля 1938 года был арестован как участник троцкистско-вредительской организации КОРОЛЕВ Сергей Павлович, 1906 года рождения, уроженец гор. Житомира, русский, гр-н СССР, беспартийный, инженер НИИ—3.

На следствии КОРОЛЕВ виновным себя признал и показал, что в троцкистскую вредительскую организацию был привлечен в 1935 году бывшим техническим директором этого института ЛАНГЕМАКОМ (осужден к ВМН) и по заданию организации проводил вредительскую работу. Впоследствии от этих показаний отказался.

Как участник антисоветской организации КОРОЛЕВ изобличается косвенными показаниями ЛАНГЕМАКА (осужден к ВМН, показания подтвердил) и КЛЕЙМЕНОВА (осужден к ВМН, от показаний отказался).

В проведении вредительской работы изобличается показаниями ГЛУШКО (осужден к 8 годам ИТЛ, от показаний отказался), а также актом экспертно-технической комиссии.

7-го августа 1938 года следствие было закончено и дело передано по подсудности. Решением Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР от 27 сентября 1938 года КОРОЛЕВ был приговорен к десяти годам тюремного заключения с поражением в правах сроком на пять лет и конфискацией лично принадлежащего ему имущества.

13 июня 1939 года Пленум Верховного Суда Союза ССР пересмотрел дело КОРОЛЕВА и своим определением приговор Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР от 27 сентября 1938 года отменил, а следственное дело по обвинению КОРОЛЕВА было передано на новое рассмотрение со стадии предварительного расследования.

Вредительская работа КОРОЛЕВА доследованием была частично подтверждена как свидетельскими показаниями (допрошены девять свидетелей), так и повторным актом экспертно-технической комиссии.

28 мая 1940 года следствие было закончено и передано на рассмотрение Особого Совещания при НКВД СССР, решением которого от 10.VII – 40 г. КОРОЛЕВ С.П. был приговорен к восьми годам ИТЛ.

На основе вышеизложенного, полагал бы:

в пересмотре дела по обвинению КОРОЛЕВА отказать, а осужденного КОРОЛЕВА, как специалиста – авиационного конструктора, подавшего заявление с предложением об использовании его, перевести в Особое Техническое бюро при НКВД СССР.

ПОМ. НАЧ. СЛЕДЧАСТИ ГЭУ НКВД СССР

СТАРШ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ – /КЛОЧКОВ/

Согласен: ЗАМ. НАЧ. СЛЕДЧАСТИ ГЭУ НКВД СССР

МАЙОР ГОСУДАРСТВ. БЕЗОПАСНОСТИ – /ШВАРЦМАН/»

18 сентября 1940 года начальнику Бутырской тюрьмы поступило распоряжение:

«Секретно

НАЧАЛЬНИКУ БУТЫРСКОЙ ТЮРЬМЫ НКВД СССР

МАЙОРУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ – тов. ПУСТЫНСКОМУ

КОПИЯ: В ОСОБОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ БЮРО при НАРКОМЕ

ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА СССР

1-й спецотдел 18 сентября 40 9/8-33/30

Осужденного Особым совещанием при НКВД СССР 28.V-40 г к 8 г. ИТЛ КОРОЛЕВА Сергея Павловича, 1906 г. рождения, перечислите содержанием за Особым Техническим Бюро при Наркоме Внутренних Дел СССР, где он будет использован как специалист.

ПОМ. НАЧ. 1 СПЕЦОТДЕЛА НКВД СССР

КАПИТАН ГОСБЕЗОПАСНОСТИ: (Калинин)

ЗАМ. НАЧ. 3 ОТДЕЛЕНИЯ

МЛ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ: (Сашенков)»

Мария Николаевна Баланина – урожденная нежинская казачка – и Ксения Максимилиановна Винцентини – будущий «Заслуженный врач РСФСР», проработавший у операционного стола 48 лет – приложив огромные усилия, добились для сына и мужа почти того, чего хотели. Не свободы для него, но специального заключения в спецучреждении НКВД. Что это такое, они не знали, как и не знали того, что их сын и муж был удивлен и рад случившемуся, не ведая причин свершившегося.

18. Туполевская «шарага» накануне и во время войны

Особое Техническое Бюро при НКВД вначале находилось в подмосковном поселке Болшево. Это научно-техническое заведение ныне не сохранилось. Оно осталось в истории под другим, народным, названием – «Туполевская шарага». Как вы уже догадались, его главным конструктором был известнейший авиаконструктор Андрей Николаевич Туполев. В Болшево его конвоировали с приговорным клеймом – «организатор антисоветского заговора и шпион Запада».

Чтобы понять ход дальнейших событий, обратимся к воспоминаниям Александра Петровича Алимова – такого же летчика, как и прославленный Г.Ф. Байдуков. После легендарного перелета в 1937 году по маршруту Москва – Ванкувер (штат Вашингтон, США) весь экипаж, в том числе и Г.Ф. Байдуков, были приглашены в Кремль на правительственный прием. Байдуков взял с собой своего друга Алимова. Там и познакомились Туполев и Алимов.

Территория "Болшево" занимала достаточно большой лесной массив, огороженный глухим забором с колючей проволокой. В зоне имелись три барака. В первом, спальном бараке ночевали заключенные и находилась охрана. Второй – занимала кухня-столовая. Большой третий барак был оборудован столами и чертежными досками. К осени 1938 г. в "Болшево" был доставлен в "черном вороне" арестант Туполев. О его приезде было известно заранее, и староста барака Алимов в преддверии холодов подготовил ему койку около печки.

Встретив Туполева, одетого в макинтош, с сидором в руке, Алимов взял сидор и повел Туполева в "спальню". Андрей Николаевич достал из сидора пайку черного хлеба, в ней было сделано углубление, в котором лежали кусочки сахара и маргарин. Андрей Николаевич разрешил выбросить свои бутырские запасы только после заверений Алимова, что «здесь кормят не в пример лучше, чем в Бутырках, и такого есть никто не станет».

От самого Берии Туполев получил особое задание. Заключалось оно – ни много, ни мало – в постройке четырехмоторного пикирующего бомбардировщика для уничтожения "врага в его логове". Имелась в виду фашистская Германия, дело было еще до рукопожатия Риббентропа с Молотовым и обмена поздравительными телеграммами между Гитлером и Сталиным.

Задание было практически невыполнимым. Для конструктора А.Н. Туполева это было очевидно. Ни в одной стране мира такой монстр создан не был. Но сразу сказать всесильному главе всесильного ведомства, что проектировать такой самолет бессмысленно, было бы глупо, так как Туполев и вся авиационная группа были бы разогнаны по тюрьмам и лагерям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.